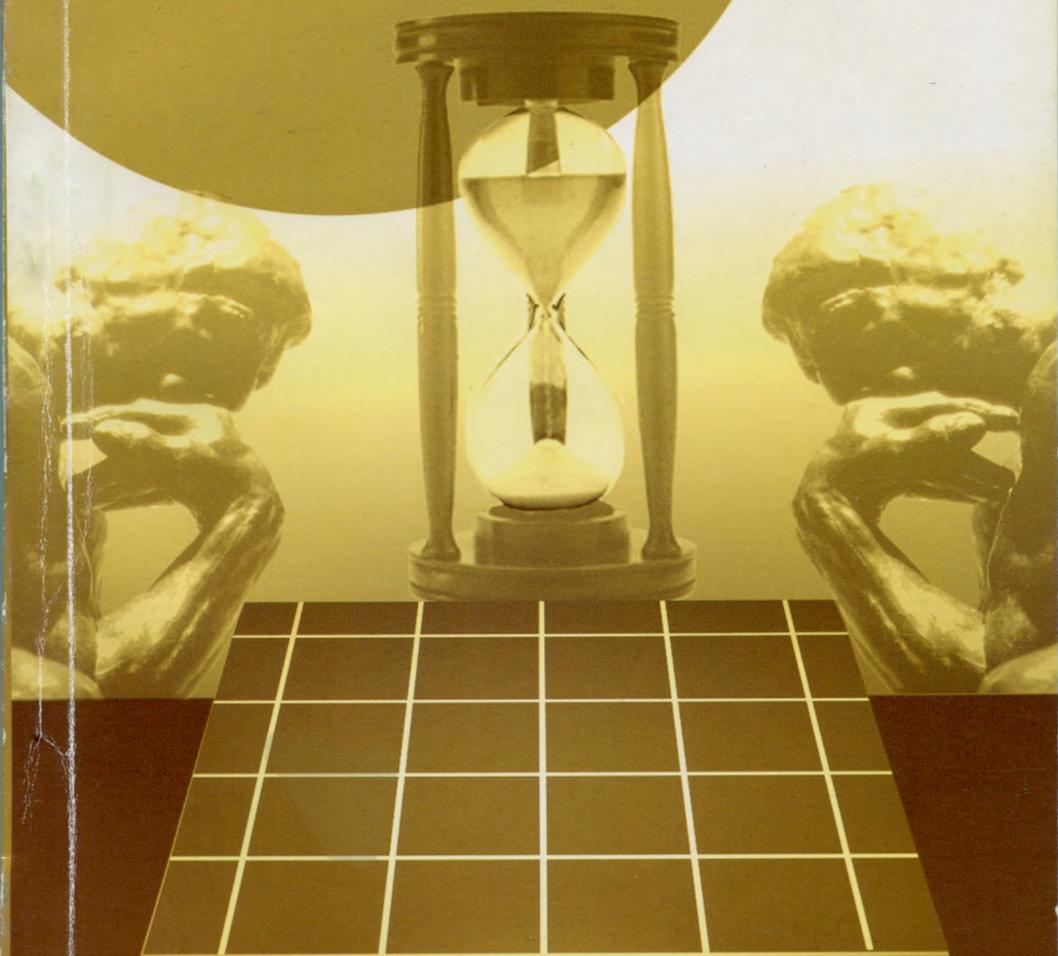

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 4, 2003

**Учредитель – Кубанский
государственный университет**

Издается с марта 1999 г.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

- Т. А. Алексеева*, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У))
Л. А. Арутюнян, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ)
В. А. Бабешко, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ)
А. А. Бодалев, д-р психол. наук, проф., академик РАО
А. А. Гаврилов, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ)
С. Деллер, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США)
В. В. Знаков, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН)
Я. Л. Коломинский, д-р психол. наук, проф.
(Белорусская академия образования)
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН)
Е. В. Морозова, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ)
Х. Пилкингтон, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания)
А. Л. Стризов, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ)
П. М. Хакуз, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ)
А. Ю. Чирг, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований)
В. К. Шаловалов, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ)
В. Ю. Шлак, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ)
Е. Р. Ярская-Смирнова, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ)

Редакционная коллегия:

- О. А. Оберемко*, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц. ;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь ;
В. П. Бедерханова, д-р пед. наук, проф. ;
Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук, проф. ;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук, доц. ;
А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц. ;
З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф. ;
В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н. Тел. (8612) 69–95–63, 69–95–64.

Дизайн художников М. Н. Марченко, С. Г. Ажгихина. Оригинал-макет Г. А. Литвяковой.
Подписано в печать 12.10.03. Уч.-изд.л. 10,0. Усл. печ.л. 9,3. Тираж 600 экз. Заказ №60.
Кубанский государственный университет. 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Типография «Агропромполиграфист» администрации Краснодарского края.
350062 г. Краснодар, ул. Ковалева, 5.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА	4
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА	6
<i>Шпак А.В.</i>	
Теоретическое и практическое содержание силы права	6
<i>Плотичкина Н.В.</i>	
Экстремизм versus центризм с позиции постмодернизма	27
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	41
<i>Атанесян А.В.</i>	
Обоснование в принятии политических решений: подходы к проблеме	41
<i>Близняк Р.З.</i>	
Электоральный процесс в Краснодарском крае: варианты периодизации ...	65
ЧЕЛОВЕК В МИРЕ	75
<i>Рябикина З.И.</i>	
Толерантность должна быть конструктивной (психологический анализ феномена)	75
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	88
<i>Тартаковская И.Н., Оберемко О. А.</i>	
Статистическое отражение гендерных неравенств в сфере труда	88
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ	106
<i>Демин А.Н.</i>	
Измерение способов поведения личности после потери работы	106
<i>Коробко Ю.В.</i>	
Опыт изучения восприятия цвета в условиях комбинированного освещения	114
КАФЕДРА	132
<i>Тюнников Ю.С., Мазниченко М.А.</i>	
Функциональное поле профессионально-педагогических заблуждений учителя	132
<i>Король С.П., Римави Мазуз Хусейн</i>	
Методические подходы к оценке влияния внешней среды на эффективность организации	143
SUMMARY	152
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	154

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

В статье А. В. Шпака сочетаются две перспективы: параллельно с историей теоретического становления идеи «силы власти» пунктиром прочерчивается история правовых институтов и общественного сознания; автор постулирует поочередное развертывание трех компонентов «силы власти»: принуждения, меры и побуждения.

Н. В. Плотицкина поднимает важный вопрос о концептуальной уязвимости «центризма», выражающего общественные интересы перед лицом ущербного в своей основе экстремизма, паразитирующего на гуманистических идеях о самоценности отдельного индивида. Автор мягко, но настойчиво предостерегает от отказа от демократического модуса в борьбе с активизировавшимся общественным злом.

Публикуемая в рубрике «Политическое управление» статья А. В. Атанесяна посвящена обоснованию принимаемых решений как части политического процесса; проанализированы ценностные аргументы, политические интересы, аргументы нормативного характера и моральные обоснования, а также явления политического прецедента.

Р. З. Близняк предложил модель периодизации электорального процесса в Краснодарском крае, сопоставив ее с общероссийскими электоральными циклами.

Психологическому анализу феномену толерантности посвящена статья З. И. Рябикиной. Автор соотносит толерантность с ценностями самореализации.

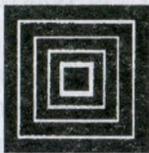
И. Н. Тартаковская и О. А. Оберемко на основе официальной статистики обнаруживают действие селективных механизмов гендерной асимметрии на российском рынке труда и приводят данные опросов, свидетельствующие в пользу концепции двойного «рабочего дня» женщин.

А. Н. Дёмин представил предварительные результаты разработки ряда шкал для измерения совладающего поведения в ситуации безработицы.

Используя результаты проведенных экспериментов, Ю. В. Коробко объясняет восприятие цвета процессами цветовой адаптации зрения.

Ю. С. Тюнников и М. А. Мазниченко рассматривают проблему ошибочного познания в педагогическом аспекте. Авторы исследуют возможности управления профессионально-педагогическими заблуждениями.

В статье С. П. Король, М. Х. Римави рассмотрено формирование моделей организации в направлении политики увязки собственных интересов с интересами партнеров по бизнесу. Показаны зависимость факторов эффективного функционирования организации от внешней среды. Приведены несколько основных моделей организационной эффективности и предложено направление анализа межорганизационных отношений.

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИКИ
И ПРАВА**

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
И ПРАКТИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ СИЛЫ
ПРАВА**

А. В. Шпак

**ЭКСТРЕМИЗМ VERSUS
ЦЕНТРИЗМ
С ПОЗИЦИИ
ПОСТМОДЕРНИЗМА**

Н. В. Плотицкина

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СИЛЫ ПРАВА

А. В. Шпак

Рассматривая три возможных подхода к анализу силы права (позитивистский, легистский, социологический), мы должны признать, что, несмотря на известные эвристические ограничения, каждая из названных исследовательских позиций имеет право на существование не просто в силу гносеологического плюрализма, а в силу того, что действительно фиксирует значимую часть содержания феномена. Предпочтительность социологического подхода в его расширенном варианте вовсе не означает того, что позитивистский или легистский взгляд на предмет исследования является ошибочным. Принципиально важно не только более или менее удовлетворительно описать содержание понятия, но и зафиксировать формы, в которых сила права проявляет себя в реальной действительности.

С одной стороны, осмысление силы права требует ясного отчета в том, в каком эвристическом ключе рассматривается его содержание и выстраиваются теоретические конструкты, которые в дальнейшем могут быть использованы в различных исследовательских контекстах, включая политический и правовой анализ. С другой стороны, какой бы

концептуальной перспективы мы ни придерживались, нам всегда необходимо находить эмпирические референты для верификации теоретических воззрений.

Если полагать, что сила права в социальной практике находится на стыке права и политики, то следует признать, что анализ этого феномена нельзя осуществить исключительно теоретическими, спекулятивными средствами без привлечения объясняющей проекции полученных выводов на реальный политико-правовой опыт. Такая проекция должна объяснять специфику практической реализации политико-правовыми институтами (адекватной или нет – это уже другой вопрос) силы права. Эти соображения следует учитывать при формулировании базовой посылки исследования и исходного определения силы права.

Несмотря на наличие нескольких подходов к определению данного феномена, его содержание выявляется только «рекурсивно», т. е. из совокупности контекстуальных смыслов, что затрудняет использование данного понятия в качестве опорного эвристического конструкта. Полагаем, что именно поэтому теоретическое содержание понятия «сила права» недостаточно соотносится с его реализацией в реальной действительности и до сих пор остается открытым.

Нам представляется целесообразным сформулировать не одно, а несколько определений силы права. Первое должно фиксировать собственно теоретическое содержание понятия; второе – те формы, в которых мы можем обнаружить его в реальной действительности; и наконец, итоговая дефиниция, хотя бы в свернутом виде, должна содержать объясняющую проекцию теоретических конструктов на эмпирический материал, на практику реальных правоотношений.

Согласно первому – теоретическому – определению сила права понимается нами как *потребность правового существа организовать свое социальное бытие на основе*

признания идеи права в качестве безусловного императива деятельности. Выражения «идея права» и «правовое существо» мы используем в трактовке В.П. Малахова [6, с. 123–124]. Первое понятие означает признание права (по крайней мере, в его нормативной и регулятивной функциях) в качестве самостоятельного, несводимого к политике, морали, религии другим формам общественного сознания; такая трактовка характерна для так называемых социологических теорий права [4, с. 17–18]. Право принимается как своеобразная «онтологическая» данность и не сводится к целесообразности, выгоде, социальному интересу и т.п. Оно признается изначальной, субстанциональной характеристикой человеческой цивилизации, хотя и выступает в каждый конкретный исторический период в специфических формах, отличающих одну политико-правовую культуру от другой. В этом и заключается «идея права».

В свою очередь признание идеи права обуславливает необходимость введения понятия «правовое существо», каковым в потенции является каждый член общества (по крайней мере, до тех пор, пока он видит других в таковом же качестве), а не только «гражданин государства». Мера реализации данной потенции в действительности зависит от характера политического режима (демократический – недемократический), от характера государства (правовое – неправовое), от того, на основе каких культурных доминант строится содержание правотворчества (в частности, к разрешающему или запрещающему типу относится законодательство), и наконец, от практики правоприменения (например, от особенностей механизмов исполнения закона и поддержания правопорядка).

Вопрос о содержании и контекстуальных смыслах понятий «идея права» и «правовое существо» остается открытым и требует самостоятельного изучения. Мы лишь фикс-

сируем значения, которыми наделяем эти два понятия в своем исследовании.

Следует отметить, что для конституирования потребности правового существа организовать социальное бытие на основе идеи права, пронизывающей все общественно приемлемые виды деятельности, необходима способность воспринимать мир, действительность как пространство, в котором реализуется или может реализоваться идея права. Такая способность возникает только при наличии *правового сознания*.

Здесь требуется сделать уточнение. В современной литературе термины «правовое сознание» и «правосознание» часто используются как синонимы. В рамках настоящего исследования первый термин понимается контекстуально, как сознание, для которого идея права, правовые принципы служат когнитивной призмой понимания, осознания, исследования и организации социальной действительности, а также способом ориентации в мире. Второй термин – «правосознание» – фиксирует конкретно-исторические и субцивилизационные формы, в каких проявляет или, напротив, не может проявить себя правовое сознание.

На практике правовое сознание не существует вне конкретного цивилизационного контекста, поскольку действительность его бытия определяется наличием социальной среды (культурной, политической, религиозной и пр.), где такой правовой способ существования не только приемлем, но и востребован, предпочтителен, поощряем со стороны общества. То есть правовой способ существования в подобной среде – необходимое условие социализации индивида, реально действующего живого человека.

Чтобы такое положение дел имело место в действительности, необходимо наличие соответствующего внеправового обоснования самоценности права. Такое обоснование содержится (или, напротив, исключается) в идеоло-

гии, религии, морали, науке, и думается, что отчасти именно поэтому бытует мнение, что право как бы «вырастает» из политики, религии, морали или науки.

Иными словами, в господствующих формах общественного сознания должны присутствовать аксиологические (образные, понятийные, стереотипно-когнитивные и пр.) и деонтические (нормы этикета, традиции и обычаи, нравственные императивы, культовые предписания и т.п.) конструкции, которые, пусть и в превращенной форме, «в иносказании», обосновывают правовой способ существования как всеобщий.

Однако наличие аксиологических и деонтических конструкций, фиксирующих императивность правового существования индивида в обществе, не исчерпывает всех условий становления силы права. Более того, сами по себе такие культурные феномены могут и не оказывать скольконибудь значимого влияния на жизнь общества, если только в последнем не созданы политические и правовые институты, обеспечивающие реализацию силы права в действительности общественного бытия во взаимоотношениях гражданина и государства, власти и подвластных, в отношениях субъектов политики и субъектов права между собой в политической повседневности.

Такие политико-правовые институты (мы пока намеренно не разделяем первые и вторые, поскольку для их самостоятельного анализа необходимо выявить дифференцирующие критерии изначально существуют в формальном и неформальном виде. При этом к формальным мы относим институты представительства, функционирование которых непосредственно определяется юридическими нормами, тогда как неформальные институты представлены устойчивыми формами общежития: аксиологическими и деонтическими установками обыденного сознания, мировоззренческими, моральными, этическими и иными регулятивами,

т. е. всем тем, что, по выражению В.П. Малахова, образует и составляет доминанты и системообразующие идеи политико-правовой культуры данного общества [6, с. 388].

Наконец, говорить о силе права не только как о доктринальном теоретическом конструкте, но и как о явлении реальной действительности уместно только тогда, когда таковая сила права обнаруживает себя в соответствующих эмпирических проявлениях. Без этого она остается лишь химерическим образованием из области политико-правовых идеалов. «Дух», содержательный смысл силы права должен реализовываться в практическом функционировании политико-правовых институтов, иначе, как это бывает на практике, институты будут либо препятствовать, либо вовсе исключать реализацию силы права. Таково в общем виде содержание исходной посылки настоящего исследования.

Разумеется, представленное рабочее определение силы права носит спекулятивный, предельно отвлеченный характер. Однако такого рода абстрактность заложена в него целенаправленно, поскольку данный эвристический прием позволяет избежать теоретико-познавательной редукции сущности феномена к эмпирическим формам ее проявления. И в этом случае одной из задач настоящего исследования становится выявление мысленно конкретного содержания, стоящего за абстрактным исходным определением.

В развитие сформулированной исходной посылки следует отметить, что сила права в процессе своего становления в реальной действительности хотя и проходит ряд культурно-исторических «ступеней», в которых конституируется и раскрывается ее содержание, однако обладает рядом неизменных атрибутивных характеристик, по которым оказывается возможным выделять ее конкретные формы из правовых явлений в целом. В соответствии с

принятым в юридической деонтологии порядком, атрибутивными в данном случае считаются характеристики, проявляющиеся при определенных условиях [4, с. 59].

На наш взгляд, можно выделить три исторические ступени становления на практике конкретных компонентов содержания силы права: *принуждение, мера, побуждение*. При чем на каждом этапе каждая предыдущая ступень присутствует в последующей в «снятом» виде.

Следует отметить, что при определенных условиях сила права способна развиваться таким образом, что ее содержание переходит в качественно новое состояние, в котором главной составляющей становится определенное *правосознание*, а не три названных ранее феномена: принуждение, мера, побуждение. Однако для этого необходимо, чтобы и само право достигло того уровня, который в специальной литературе именуется социальным правом в отличие от права сословных обществ и права гражданского общества [4, с. 106].

Постоянных атрибутивных характеристик, лежащих в основании форм, через которые проявляет себя сила права в конкретной юридической и политической практике общественной жизни, как представляется, также три: *справедливость, эффективность, авторитет*. Таким образом, если сущностью права считать поддержание устойчивого порядка в обществе [4, с. 39], то сущность силы права в целом может быть обозначена как *власть права*. Тогда содержание силы права предстает как принуждение, мера, побуждение, а предельным качественным уровнем развития силы права становится определенное правосознание, существующее как *правовое сознание*. Формами, в каких обнаруживает себя содержание силы права, становятся представления о справедливости, авторитете и эффективности правовых норм, характерные для данного общества.

Изначально сила права выступает как *принуждение*, т. е. принуждение членов общества к исполнению социальных ролей, поддерживающих и укрепляющих существующий порядок. К ним относятся общественные отношения, связанные со способом производства, социальной стратификацией, политическим режимом, политической организацией общества, формой государственной власти, структурой аппарата государственного управления и др. Поскольку именно государство обладает монопольной силой на осуществление такого рода принуждения, то и становление силы права на начальном этапе связано с развитием и укреплением государственной власти. При этом следует отметить, что указанное положение вещей вовсе не означает того, что сила права являет себя только в качестве воли властвующей элиты по отношению к подвластным. В сильных государственных образованиях Древнего мира (Древний Египет периода Древнего и первой трети Среднего Царства, державы Ахеменидов в Иране, Древневавилонское и Ассирийское царства, раннее, или Западное, Чжоу в Китае и др.) отправление государственной власти предполагало принуждение к исполнению предзаданных социальных ролей *всеми* без исключения членами общества – и подданными, и властвующей элитой, что имеет принципиальное значение. В конце концов даже сам правитель оказывался заложником своего положения и, как и все, если не в большей степени, был вынужден соблюдать принятые «правила игры». Достаточно вспомнить, до какой степени регламентации повседневной жизни доходил дворцовый этикет в империи Цинь Ши Хуан-ди, в династии Хань или в других упомянутых государствах. И коль скоро в самой истории права выделяют две большие эпохи – эпоху сословного права, основанного на «правовом неравенстве членов общества», и право гражданского общества, «основанное на юридическом равенстве членов общества»

[4, с. 106], то и сила права предстает как способность государственной власти с помощью соответствующего аппарата обеспечить *принуждение каждого* (без каких-либо словесных исключений) члена общества к исполнению соответствующих социальному статусу обязанностей – сервильных, фискальных, рекрутских и иных.

На этой стадии сила права обнаруживает себя в той мере, в какой подобное принуждение носит *всеобщий* характер. Если рассматривать принуждение в нормативном аспекте, то сила права опирается не столько на собственно юридические нормы, сколько на политико-идеологические, политико-религиозные, политико-мировоззренческие и этические обоснования сакральной, «надчеловеческой» природы власти. Власть ниспослана свыше богами, небом, судьбой и пр. Она лишь персонифицирована в лице правителя, который выступает как средство, орудие, воплощение воли власти.

Будучи в наибольшей степени характерно для развитых централизованных государств Древнего мира, подобное положение дел не является исключением и в более поздний исторический период: Арабский халифат до XI в., Османская империя эпохи Сулеймана Кануни и другие так называемые общества исламского типа [9; 10].

Здесь из атрибутивных характеристик, относящихся к форме, в которой обнаруживает себя сила права, по существу присутствует лишь *авторитет политической власти*, являющейся источником права [3, с. 6–19]. Две другие атрибутивные характеристики (справедливость и эффективность) в качестве *основополагающих идей* юридического нормотворчества слабо представлены в конкретных явлениях политико-правовой культуры данного общества. И если эффективность с большими натяжками еще может быть подана как способность политической власти к насилию, то справедливость в качестве идеи, которая должна

быть положена в основу конкретных юридических норм, обуславливающих мотивацию социальных действий, схем поведения и представителей власти, и подвластных, как культурная доминанта на практике отсутствует. На этой стадии ее еще нет как категории мировосприятия членов существа общества; её нет как *системообразующей идеи*. Это, разумеется, не означает, что в обществе нет вообще никаких представлений о справедливости. Напротив, их может быть много, но из-за сословного характера права они существуют в неюридических формах; они обнаруживаются в мифах, фольклоре, религиозных представлениях, морали, мировоззрении и т.п. Такие представления вплетаются в политико-правовую культуру и подменяют философию права в практике юридического нормотворчества, но не существуют в качестве правовых идей. Точно так же отсутствует в собственном смысле слова и самосознание правового существа: ни один член общества не осознает себя таковым.

Таким образом, в государствах древности, т. е. на стадии принуждения, содержание силы права проявляет себя по существу в неадекватных, усеченных формах. Одним из следствий указанного положения дел служит неразличение в древних государствах субъекта и объекта силы права, поскольку само право выступало там не столько в виде системы регулятивов, призванной постоянно воспроизводить устойчивый регулярный общественный порядок, сколько в виде администрирования, приказа.

Иными словами, объектом силы права в той или иной мере являлись все члены общества, во всяком случае, в той степени, в какой они подвергались принуждению со стороны государственной власти, и сословный характер общественных регулятивов не отменял подобного положения дел. Во всех сословных обществах существует так называемая система композиций, устанавливающая гипотезу и диспо-

зицию нормы для каждой социальной группы с учетом ее политико-правового статуса [1, с. 228–240]. В то же время субъект силы права имеет сакральную природу, не подлежащую оценке со стороны абсолютного большинства членов общества. Государство на этой стадии поглощает общество, воля государственной власти служит единственным источником права, а способность власти к принуждению – содержанием силы права. Авторитет последней, взятый как атрибутивная характеристика, предстает в виде силы и мощи государственной власти.

Естественно, может возникнуть вопрос, в какой мере в таких условиях вообще можно говорить о силе права, если принять сформулированное нами определение. Может быть, принуждение не является сущностью силы права? Может быть, оно не более чем историческая ступень развития общественных условий, сделавших возможным появление самого феномена права?

Думается, что подобная постановка проблемы выглядела бы вполне уместной, если бы не следующие обстоятельства. Во-первых, мы считаем, что принуждение – компонент силы права, поскольку способность к принуждению является сущностной характеристикой права вообще, что, собственно, и служит одним из принципиальных отличий права от морали. Во-вторых, как справедливо указывал И.А. Ильин, само понятие силы права, помимо всего прочего, предполагает реальную способность преодолевать сопротивление, преграды на пути осуществления правоотношений, правовых действий [2, с. 30]. И, в-третьих, именно принуждение при известных обстоятельствах может становиться последней ступенью «вырождения» превращенных форм силы права. Примеры такого «вырождения» можно увидеть в сравнении основополагающих идей правосознания с практикой правотворчества и правоприменения, скажем, в дореволюционной

России (даже с учетом всех издержек) и в СССР при Сталине, или идей исторической школы германского права и Третьего рейха.

По мере того как право все больше начинает выполнять нормативные и регулятивные функции, становясь всеобщей системой отношений, охватывая в разной степени все общественные слои и группы, появляются юридические кодексы, суды, хотя последние представляют политическую власть с собственным аппаратом исполнения судебных решений. Эти процессы приводят к конституированию второго компонента содержания силы права – *меры*. Появляется мера принуждения, мера ответственности и мера дозволенного в отношениях власти и подвластных; мера определения границ социального пространства, в которых принуждение является законным и за которыми оно превращается в произвол; мера, различающая субъект и объект силы права. Здесь первый компонент представлен уже не просто властью, персонифицированной правителем, а общественным институтом – судом, который определяет границы самого принуждения. Подчеркнем еще раз: даже если судебные органы исходят в своей деятельности из воли государственной власти, то и в этом случае последняя не являет себя непосредственно. Она скорее определяет общий смысл, дух судебных решений, тогда как формы, объем и характер санкций, а в известном смысле даже кодификация норм, определяется судом. Мера не отменяет принуждения, она в философском смысле слова «снимает» его, поглощает, делает его предсказуемым и тем самым исключает (в идеале) его грубые неправовые формы: открытое насилие над обществом со стороны власти, т. е. произвол.

В этом смысле мера создает предпосылки для появления в общественном сознании самой идеи права как альтернативы произволу власти. Более того, она как бы алгоритмизирует, упорядочивает, а в практическом смысле способствует

кодификации отпращиваний власти. Мера «онтологизирует» правовое существо *de facto*; даже если последнее обстоятельство и не осознается членами общества в адекватных формах, на практике становление меры как компонента содержания силы права предполагает упорядоченное и предсказуемое законом принуждение подвластных со стороны власти. При этом некоторые подвластные – сословные, кастовые и другие общности – изначально, от века, от рождения обладают *правом* на эту самую предсказуемость, упорядоченность и алгоритмизированность действий со стороны власти по отношению к ним. В упорядоченности отношений между властью и подвластными и реализует себя мера как компонент содержания силы права.

Этот период в развитии общества характеризуется появлением писанных нормативных кодексов, в которых более или менее ясно обозначаются *гипотеза*, *диспозиция* и *санкция* юридических норм. В истории наиболее показательными примерами такого развития становятся Древний Иран, представленный государством Сасанидов, Ассирийское и Нововавилонское царства. Достаточно сравнить «Сасанидский судебник» с нормами державы Ахеменидов: в последней на практике политическая власть проявляется через прямое администрирование – приказ, регулятивное действие которого заканчивается его исполнением; в этом, собственно, и заключается принципиальное различие между правом в строгом смысле и административным управлением. В режиме администрирования устойчивость норм обеспечивается прежде всего культовыми ритуалами, а в правовом регулировании – кодификацией. В «Сасанидском судебнике» строго обозначены не только границы принуждения со стороны власти по отношению к подданным, но и точно фиксированы условия, при которых сама власть, персонифицированная правителем, считалась законной [5; 8].

Аналогичные примеры дают и другие государства Древнего мира. Так или иначе мера в отношениях между властью и подвластными охватывала все свободное население, включая свободных общинников и городских ремесленников, объединенных в некое подобие средневековых цеховых корпораций, в притязаниях к которым правитель, если он хотел быть легитимным, должен был оставаться в строго фиксированных пределах. Хотя, разумеется, следует признать, что до разделения на публичное и частное право эти общества так и не дошли.

Если осмысление стадий развертывания сущности силы права составляет теоретический аспект, то анализ форм проявления атрибутивных характеристик силы права – практический аспект исследования феномена. В наиболее полном виде мера в качестве сущности силы права раскрывается, на наш взгляд, в период расцвета сословных обществ и, соответственно, сословного права. Правовые документы развитого Средневековья в Западной Европе могут послужить ярким примером этого. Сословные страты, внутрискратовые сословные группы имеют четко фиксированные в юридических документах параметры и границы деликтоспособности, т. е. юридической ответственности, четко обозначенные гипотезы, диспозиции и санкции норм, даже если последние различаются в зависимости от того, какое сословие или группа являются адресатом нормы*. Сила права, выступающая как мера в подобной политико-правовой культуре, создает предпосылки для формирования таких системообразующих идей, как «идея права» в целом, понятие «правового существа», каковым здесь изначально является каждый свободный член общества, чей сословный статус, даже самый низкий, этим обществом признан. Кроме того, к рассматриваемым предпосылкам

---

* См.: «Иерусалимские ассизы», «Хартия Бомона», «Семь партий» и др.

следует отнести и ясно оформленную в политико-правовом плане идею свободы как состояния, на которое никакая власть – персонифицирована ли она сюзереном, или представлена судом – не может посягать иначе, чем в заранее установленном процедурном порядке и юридически фиксированных формах, или, выражаясь современным языком, в установленных процессуальных формах. «Великая хартия вольностей» (Англия), «Кутюмы Бовези» (Франция) и другие документы средневекового права ярко иллюстрируют высказанные суждения [7].

Следует также отметить, что в средневековой Европе даже казуистическая юриспруденция так или иначе опиралась на вполне конкретное понимание общего права, которое имплицитно содержало определенное понимание свободы в качестве одной из *системообразующих* идей – понимание «богоданности», а потому и неприкосновенности жизни индивида и его свободы вне тех ситуаций, которые оговорены юридическими нормами.

Процесс оформления меры как содержания силы права имел как теоретическую (философско-правовую), так и практическую (собственно юридическую) сторону. В политико-правовой культуре появляется ясное понимание справедливости, причем не только на доктринальном (философском или теологическом уровне – полемика реалистов и номиналистов по этому поводу не меняет существа дела в целом), но и на уровне практической, политико-правовой повседневности. Иными словами, в обществе формировалось и воспроизводилось устойчивое убеждение в том, что право изначально *должно* быть *справедливым* и *авторитетным*. Но при этом второе качество оно может приобрести только при условии обладания первым. В такой логике справедливым оно становится в той степени, в какой сама справедливость присутствует в юридических нормах – в *законе*, а последний в свою очередь может или при таком

взгляде на мир, по крайней мере должен служить критерием оценки социального действия.

Так или иначе в период расцвета сословного права (думается, оно достигло этой стадии в развитом Средневековье) представления о таких атрибутивных характеристиках силы права, как справедливость и авторитет, в общественном сознании оформляются достаточно отчетливо.

Здесь наиболее важным представляется не только то, что разрабатываются новые философские доктрины, в которых данные феномены трактуются тем или иным образом, но и то, что на уровне профанного, обыденного сознания широких слоев населения справедливость и авторитет *закона* становятся практическими формами, с которыми ассоциируется сила права. Даже если эти социальные группы не оперируют самим термином «сила права», определенное (ассоциативное, образное, нерелексивное и т.п.) понимание феномена все же присутствует в политико-правовой культуре.

В процессе эволюции сословных обществ сакральному пониманию авторитета закона как политико-правовой нормы, установленной «от бога», начинает составлять конкуренцию секулярные, профанное и профессиональное толкования, где авторитет понимается как то, что вырастает из практики повседневной жизни. Здесь авторитет конкретных юридических норм, уже действующих в повседневности, предстает как оценка, которую дают и *вправе* давать свободные граждане – обыватели. Оформление в политико-правовом и, как следствие, в юридическом смысле понятия «гражданин», например, в конституциях средневековых европейских городов являет собой качественное отличие в развитии силы права от упоминавшихся восточных государств.

Мера как компонент содержания силы права на этом этапе выступает в форме представлений о справедливости

и авторитете закона. Эти атрибутивные характеристики, с точки зрения обывателя (т. е. свободных граждан, относившихся прежде всего к третьему сословию – самому многочисленному и самому заинтересованному в секуляризации силы права), должны носить *всеобщий* характер, быть едиными для всех.

Может показаться, что здесь нет ничего принципиально нового по сравнению с раннесословными обществами, за исключением общего представления о том, что справедливость в качестве атрибутивной характеристики силы права должна и может проявляться как в области публичного, так и в сфере частного права. Нам представляется, что более существенное отличие заключается в том, что это представление реализуется в практической деятельности, в реальных общественных отношениях, в какие вступают люди в политико-правовой повседневности и, разумеется, в первую очередь сюда входят межсословные отношения. В эпоху позднего Средневековья уже не является крамольной мысль о том, что справедливость должна выйти из сословных «корпоративных» рамок и стать всеобщей мерой отношений; и в той степени, в какой это будет иметь место в реальной действительности, закон будет авторитетным. В противном случае этот закон не совершенен, а значит, подлежит изменению.

Принуждение и мера, являясь составляющими силы права, все же не исчерпывают содержания последней. И если сущность силы права мы определяли как *власть права*, то принуждение и мера составляют только часть такой власти. Их наличие образует необходимые, но не достаточные условия для развертывания содержания права вообще и силы права в частности. В полном смысле сила права присутствует в обществе тогда, когда принуждение и мера «снимаются» побуждением. В противном случае положение дел в реальной действительности может вполне сво-

даться к авторитарной, хотя и детально регламентированной политической власти, поддерживающей существующий общественный порядок. В истории права можно найти немало подтверждений этому; именно таким образом обстоит дело в Пруссии конца XIX в.

Когда право, прежде всего публичное, реализует себя по отношению к членам общества через побуждение, тогда и имеет место именно сила права, а не засилье юриспруденции. *Побуждение*, которое мы определяем как *мотивацию* легального, т. е. не противоречащего юридическим нормам и правовым принципам *социального поведения*, раскрывает, реализует, разворачивает содержание феномена силы права именно потому, что оно адресуется к самостоятельному *выбору* субъекта; оно изначально предполагает в нем правовое существо. И коль скоро дело обстоит таким образом, то это существо, т. е. каждый член общества, обладает изначально, «от века» существующими правами и свободами. Здесь в полной мере работают постулаты естественной школы права.

Но есть и другая сторона вопроса. Если побуждение к взаимоотношению между политической властью и подвластными строится на идее права, на идее правового существа, то за последним предполагается и способность к самостоятельному решению относительно того, как именно следует действовать в тех или иных обстоятельствах. К слову сказать, эта же способность делает невозможными и патерналистские отношения в политике, когда власть «знает», каким именно образом надлежит жить подвластным, а последние априори признаются неспособными самостоятельно устроить свое существование в системе общественных отношений.

Другими словами, каждый член общества, взятый в качестве правового существа, является им не только в той мере, в какой его признают таковым окружающие, но и в

той мере, в какой он способен выстраивать свое бытие в обществе, исходя из идеи права. Такая способность делает людей в широком смысле ответственными за свое поведение, а в узком юридическом смысле – деликтоспособными. И если дело обстоит именно таким образом, то закон не просто воспринимается обществом или, во всяком случае, социально активным большинством его членов как *справедливый и авторитетный*, но и становится *эффективным*.

Под *эффективностью* закона мы понимаем его способность отвечать на потребности общественной жизни и быть такой нормой поведения, которая соблюдается не из страха перед наказанием, а из способности, потребности и даже привычки мыслить и действовать в соответствии с «духом закона»; из способности и потребности уважать права и свободы других. Здесь вполне резонны суждения представителей школы позитивного права.

В свою очередь это возможно только в том случае, когда содержанием силы права становится побуждение, т. е. когда сам способ полноценного существования в обществе становится правовым.

Следовательно, когда сила права обнаруживает себя как побуждение к легальному поведению и действию членов общества, тогда в отправлениях политической власти актуальное насилие исчезает и остается в потенции, реализующейся в случаях правонарушающего поведения. Такое положение дел имеет место только в гражданском обществе, основанном на юридическом равенстве всех его членов, на идеях свободы как основополагающих политических ценностях, на которые никакая власть посягать не вправе, если она хочет оставаться легитимной. Именно здесь сила права обнаруживает себя в реальной действительности, в практике властеотношений.

Но если дело обстоит таким образом, то исходного определения силы права, сформулированного нами в предельно абстрактном виде и отражающего теоретическое содержание феномена, становится недостаточно. Требуется определение, фиксирующее практическое содержание феномена, например, определить *силу права как способность субъекта права через принуждение, меру и побуждение поддерживать существующий общественный порядок, способность, основанную на справедливости, авторитете и эффективности юридических норм.*

В заключение укажем на два следствия из приведенного определения силы права. Во-первых, полное развитие содержания феномена в условиях гражданского общества предполагает, что сила права должна включать в себя и определенное правосознание, которое появляется только тогда, когда результатом побуждения становится способность поступать в соответствии с «духом закона», даже при незнании конкретных юридических норм. Иными словами, чтобы не нарушать закон и не ущемлять свободы других, достаточно мыслить, воспринимать действительность правовым образом в рамках политико-правовой повседневности.

Во-вторых, развитое правосознание способно не только обуславливать легальное поведение, но и служить основой перехода силы права на качественно новый уровень, на котором изменяются все политические институты, а государство становится социальным.

Переход содержания силы права на качественно новый уровень является скорее возможным вариантом эволюции феномена в будущем, нежели практикой современных обществ; и здесь многое зависит от того, в какой мере *правосознание* существует как *правовое сознание* членов общества. В целом же выяснение того, каким образом и в какой мере указанные следствия, взятые в качестве теоретиче-

ских суждений, могут быть спроецированы на практику политической и юридической жизни общества, требует анализа силы права в контексте гражданской культуры.

Библиографический список

1. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967.
2. *Ильин И.А.* Понятие права и силы. Опыт методологического анализа // Ильин И.А. Соч.: В 2 т. М.: КТО, 1993. Т. 1.
3. *Ледяев В.Г.* Формы власти: типологический анализ // Полис. 2000. № 2.
4. *Лившиц Р.З.* Теория права. М.: Бек, 2001.
5. *Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.
6. *Малахов В.П.* Философия права. М.: Моск. акад. МВД, 2002.
7. Памятники истории Англии XI–XII веков. М.: Соцэкгиз, 1936.
8. *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983.
9. *Петросян Ю.А.* Османская империя: могущество и гибель. М.: Наука, 1990.
10. *Фадеева И.Л.* Концепции власти на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1993.

ЭКСТРЕМИЗМ VERSUS ЦЕНТРИЗМ С ПОЗИЦИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Н. В. Плотичкина

В философской и политической литературе нет общепринятых теоретических определений экстремизма и центризма. Цель данной статьи – рассмотреть центризм и экстремизм с точки зрения философии постмодернизма, предлагающей новые познавательные ориентиры в мире всеобщего сомнения во всех прежних и новых ценностях. Для установления соотношения середины и крайностей в современном обществе мы сначала обратились к идеям, положенным в основы политико-философских учений постмодернизма, а затем рассмотрели способы практического противодействия экстремизму и упрочения позиций политического центра в российском обществе.

«Социокультурная ситуация, репрезентативная для современного общества, характеризуется как постмодернистская» [4, с. 163]. Постмодернизм стал осмысливаться как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности. «Его приверженцы подметили колоссальные изменения в современном мире, с чем нельзя не согласиться» [1, с. 97]. Вместе с тем постмодернизм стал зеркальным отражением кризиса современного общества, в том числе и в политической сфере.

Социальные потрясения, конфликты, резкие скачки, революции, связанные прежде всего с социально-экономическими закономерностями жизни общества, зачастую технологически регулируются группами влияния через средства массовой информации. В этих условиях примирить непримиримое, удержать общество и власть от экстремизма, обеспечить стабильное поступательное развитие может, по нашему мнению, только центризм.

«Правый и левый экстремизм, – подчеркивает С. Сулакшин, – не способен давать подлинные решения именно потому, что игнорирует реальное многообразие групповых интересов. Он обречен скользить из одной крайности в другую, при этом загоняя проблему в тупик» [7, с. 26]. Политический центризм противостоит любому виду экстремизма, как левого, так и правого толка, придерживаясь логики исторической преемственности, учитывающей реальную готовность людей и их возможности в проведении реформы.

Некоторые исследователи провозглашают экстремизм вечным как мир и утверждают, что всегда существовали организованные стремления от периферии к центру общества, к его политическому порядку, и эти стремления оформлялись в соответствующую деятельность [2, с. 4]. При этом между крайностями и экстремизмом не всегда стоит знак равенства. Например, были ли ветхозаветные пророки или художники-авангардисты экстремистами? Попытаемся это определить.

Индивидуалистические позиции неизбежны в каждом дифференцированном обществе. Конформность может быть негуманной, а иногда и крайней. В каждом дифференцированном социальном образовании существуют индивиды и группы, которые устремлены к его периферии, однако индивидуалисты и эксцентрики не обязательно являются экстремистами. Позиции аутсайдеров, как правило, строго индивидуальны не зависимо от их численности; они касаются в конечном счете особенного, отдельного в социальных статусах, вкусах, аномалиях и поэтому слабо воздействуют на общественное сознание. Экстремистскими такие позиции станут тогда, когда индивидуализм станет коллективным.

Экстремизм в большей степени вызывается социальными причинами, противоположностью интересов и стремлений не отдельных индивидов, а целых обществен-

ных групп. Корни этого явления находятся не в патологии психологических реакций отдельных людей, а в глубоких, латентных и явных социальных, экономических и политических недугах [8, с. 110].

В отличие от радикалов, которые больше теоретики, нежели практики, экстремисты придают мало значения критическим размышлениям. Крайние устремления экстремистов нацелены на планирование и осуществление акций. Таким образом, экстремисты – это индивидуалисты, которые не только удалены от центра, но и настроены решительно против него.

Подобное разграничение между радикалами, революционерами, террористами, экстремистами может вызвать споры, и представители разных дисциплин, например, политологи и юристы, будут выдвигать разную аргументацию. Однако можно с уверенностью сказать, что переход от крайней точки зрения к экстремистской начинается с разрыва коммуникационных связей.

Собственная речь и символика служат для экстремистов прикрытием. С этой же целью используются специальные знания, которыми, как правило, широкая «профанная» общественность не пользуется: клятвы, «образ врага» и нежелание воспринимать ход мысли большинства. Вместе с тем для экстремистских объединений особенно характерно умение доступно предложить простые способы решения сложнейших проблем общественной жизни. Развивается «элитарное сознание» в сочетании с растущим нежеланием воспринимать другую сторону, исчезает возможность самокоррекции, аргументированного анализа и оценки собственных притязаний. Экстремисты, несмотря на то, что их меньшинство, полагают, что больше и лучше знают, чем весь остальной мир. Перспектива истории, в которой они двигаются, видится им ключом к целому. Осознание своего меньшинства и безуспешности действий подталкивает к

привлекающим общественное внимание агрессивным поступкам.

Экстремистские акции являются, как правило, насильственными. Для разрушения общественных институтов экстремисты нередко используют достижения свободного демократического устройства – свободу мнения, прессы, религии и собраний, правовую защиту и государственные субсидии. И все это во имя собственной трактовки общественного прогресса или справедливости.

Так в самом широком смысле определяется экстремизм в рамках социально-гуманитарных наук социологами, политологами и юристами. Предстоит еще исследовать характерные черты, причины и последствия различных форм экстремизма, чтобы рекомендовать соответствующие меры по его блокированию. Главное – баланс интересов общества и государства в цивилизованном пространстве, служащий гарантией от потрясений и гражданских войн, достигаемый на основе использования центристских технологий в государственном политическом управлении.

Центризм есть синтез различного опыта, творческого поиска, теоретических идей, практической методологии; осознанная готовность к диалогу, компромиссу, пространство конструктивных ответов, отказ от экстремистских форм борьбы за власть.

Философское размышление о соотношении между крайностями и серединой имеет глубокие корни в истории человеческой мысли. Уже в античности остро стоял вопрос – как возможна жизнь в общине, в полисе? При этом полис образует середину – место, из которого «решаются конфликты и улаживаются общественные столкновения» (Р. Гернер). Впоследствии эта идея развивается в понимание того, что не только город-государство, но и человек нуждается в середине для того, чтобы его жизнь удалась. Рефлексия о соотношении середины и крайностей служит исходным пунктом последующих рассуждений.

Проблема середины в современном обществе

Новейшая историческая эпоха – постмодерн – предложила человечеству новую версию самосознания, сделавшую акцент на субъективации внутреннего мира человека. «Двусмысленность» (Хайдеггер) социальной атмосферы конца XX в. изменила интеллектуальный климат в обществе, наполнила его иллюзиями и неявно выраженными ассоциациями.

В 1948 г. Зедлмайер в работе «Потеря середины» провел художественно-историческое исследование XIX–XX вв. [13]. Автор диагностировал центральное антрополого-космическое нарушение: человек в своем просветительском свободомыслящем стремлении к автономии подчинился неорганическому и нечеловеческому, забыл, что он образ и подобие Божье, потерял связь с космосом и утратил самого себя. Позже Деррида постулирует новое отношение к божественному без Бога, предполагавшее конечность, смертность всех богов [3, с. 87].

Даже тот, кто не согласен с данной точкой зрения, понимает, что человеку становится все трудней постигать середину как меру всего сущего. Греческий полис, являясь одновременно средоточием и символом власти, был такой серединой. Современный город серединой не является: уже не рыночная площадь, не афинская агора, не парламент являются настоящим перевалочным пунктом различных мнений, чему соответствовало их центральное положение, а периферия – торговые центры городских окраин, приграничные области. И так же, как полис, человек не является больше серединой. «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [8, с. 363].

По Зедлмайеру, причины потери середины не следует искать только в экономической или социальной сфере, они – результат реализации человеческой деятельности и общественных отношений.

С начала Нового времени происходит переворот в общественном сознании, который преградил аристотелевский путь к середине. Аристотель полагал высоким искусством определение середины в сфере: если сфера относительно мала, то середину отыскать относительно легко, но это сделать совсем невозможно, если контуры площади беспорядочны, нерегулярны или сфера бесконечно велика.

Подлинная утрата середины определяется не расплывающимися контурами нашего современного мира, а его тотальной потерей границ. Когда было установлено, что земля – это шар, хотя и с конечной, но безграничной площадью, стало трудно определить географическую середину. Мир превращается в более объемный и сложный, поэтому новая середина Земли должна лежать в ее ядре, в ином измерении.

В экономической области с исчезновением центра наступает децентрация производства. В области культуры происходит отказ от этноцентризма в пользу плюральности и равноправия культур. Транспарентность границ – постоянный процесс; сначала исчезли городские ворота, но появились таможи на государственных границах. В конце XX столетия государственные границы, прежде всего западных стран, стали достаточно «прозрачными». Без границ нет контуров, чтобы определить середину.

Можно было бы говорить о конце всех центризмов: геоцентризм аристотелевско-птолемеевской картины мира опроверг Коперник; гелиоцентризм, рассматривающий Солнце как середину, был недолговечен. Универсум как таковой лишился середины. Начался поиск нового центра, и Просвещение философски определило новую середину в разуме; утвердился приоритет формального разума перед верой. Это позволило Декарту сделать свой знаменитый вывод: «Мыслю, следовательно, существую». Таким образом, утвердился гуманоцентризм и логоцентризм. Под влиянием Маркса, Дарвина, Ницше и Фрейда, которые охарактере-

ризовали человека как продукт эволюции, подчиняющийся иррациональным психологическим и социальным механизмам, стало еще труднее защищать представление о человеке как о центре космоса.

Современные попытки найти середину оцениваются скептически. Нет середины, если крайности расположены бесконечно далеко друг от друга. Уже в XVII в. это предвидел математик и философ Паскаль. Внезапно универсум стал бесконечно огромным; в микроскопе потерялось малое в бескрайнем. Человек висит между двумя пропастями: ничто перед бескрайним, все против ничего, середина между ничем и всем. Определить середину между нулем и бесконечным может только самонадеянный.

В наши дни эта тенденция сохраняется, когда мыслители задаются вопросом: кто решает, что есть знание, и кто знает, что считается решенным. «Исторический анализ этой злостной воли к знанию обнаруживает, что всякое знание основывается на несправедливости (что даже в акте познания нет права, на истину или обоснование истины), и что сам инстинкт к знанию зловерден (даже губителен для счастья человечества). Даже в той широко распространенной форме, которую она принимает сегодня, воля к знанию не способна понять универсальную истину: человеку не дано уверено и безмятежно господствовать над природой» [5, с. 32].

Определить последствия потери середины (и универсального стирания границ) может только индивидуальная фантазия. Каждый должен понять и вдохнуть в нашу культуру опыт прошедшего XX столетия. Кто теряет вследствие бесконечности и безграничности середину, теряет и крайности. Ввиду транспарентности границ определение середины, меры или крайностей невозможно или затруднено. Из-за массовых уничтожений возникает шок. Однако к каждому варварству – в сталинских Гулагах или в Косово – относятся с пренебрежением и, по сравнению с чрезмерностью Освенцима, почти толерантно. Потеря крайностей

проявляется также в том, что тем, кто стремится к динамичной середине и в то же время пытается не допустить крайностей, экстремальный образ врага кажется расплывчатым и даже потерянным. Это связано с беспомощными попытками стабилизации середины и созданием, в случае необходимости, образа врага и крайностей.

Как можно компенсировать потерю середины в современном российском обществе? Середину могут выражать или большинство, или средний слой, или элита. Большинство не отвечает за правду, а склоняется скорее к посредственности и заурядности, таким образом, может произойти смешение истины и фальши, плохого и хорошего. Большинство склоняется и к крайним позициям: если большинство чувствует для себя угрозу, оно готово отбросить разум и законность, об этом свидетельствует опыт национал-социализма, большевизма.

Наличие образованного среднего класса традиционно считается неперенным условием возникновения базы центризма в обществе [6, с. 11]. Данный факт обычно универсализируется и превращается в постулат, который механически применяют к другим обществам. В России этот постулат не работает потому, что вопрос о наличии среднего класса является спорным. При этом отнюдь не в любой политической ситуации средний класс становится на сторону центристских сил (вспомним хотя бы ту поддержку, какую он оказал Гитлеру в Веймарской Германии).

Констатировать факт, что новая российская элита уже окончательно сформировалась, пока невозможно, но следует «обратить внимание на значительное восстановление роли и места силовых элементов в составе политических элит. Новая конфигурация элит способна усилить российскую государственность и управляемость общества. Однако демократическая элита не может быть закрытой аристократической кастой. Она должна быть мобильной, откры-

той. Только такая элита будет добиваться взаимопонимания политических сил, гражданского мира, постоянно стремиться к достижению новых практических результатов» [9, с. 48–49].

Но если, говоря словами Ницше, «середина повсюду», то разве не соблазнительно отказаться от середины: если середина всюду, то ее нет вовсе!?! Подобная мысль привлекательна. «Постмодернистское чувство жизни состоит из двух компонентов: во-первых, из опыта, что больше нет смысла для целого, во-вторых, из решимости, что это не есть повод для печали» [12, S. 134]. Однако современная политика ввиду глобализации все же ориентирована на совместное решение проблем.

Можно принять во внимание полицентризм, в рамках которого признается сосуществование множества истины или приемлемых вариантов. Этот вывод исходит из сложности и глобальности мира и соответствует мышлению, которое не ориентируется больше на пирамидальное подчинение низа верху.

Постмодернизм не признает больше никаких высших судей, так как никто не может решить, что есть знание, и никто не знает, что считается решенным. Постмодернист не спрашивает: «Истинно ли это?», он задает вопрос: «Какое это имеет смысл?». Р. Рорти писал: «Мы, прагматисты, мало смысла видим в традиционной постановке задачи – искать истину ради нее самой. Мы не можем считать истину целью познания. Задача познания – достигать согласия между людьми относительно того, что им следует делать; достигать консенсуса относительно тех целей, к которым следует стремиться, и тех средств, которыми им следует пользоваться для того, чтобы достигать этих целей. Познавательные усилия, которые не приводят к координации поведения, – это не познавательные усилия, это просто игра словами» [10, с. 32].

Тот, кто спрашивает о том, *кто же теперь право имеет*, ответа теперь не получит, потому что ответ теперь напрямую связан с понятием тоталитаризма. Следовало бы спросить, *с кем происходит несправедливость*. Правда, в современном мире нет больше судей, есть только адвокаты. Не человеческий разум, а разум «коммуникативный, попереchnый» (Хабермас), заключающийся в способности перехода от малой середины к другой малой середине, решает этот вопрос. Необходимо искать не только адвокатов, защитников, но и медиаторов, посредников, которые помогут найти искомую середину и предотвратить несправедливость. Разумеется, это решение не везде применимо. Никакое общество не может защитить себя надолго от экстремистского нападения, не опираясь на фундаментальные ценности демократического общества.

Поэтому середину нужно искать на другом уровне. Этот вариант не исключает предыдущих решений. Подобная середина в известном смысле вездесуща и в то же время нигде, поскольку находится на другом уровне. Мы ищем середину многих средин, которую трудно определить в понятиях этого мира. Мы не можем ею обладать, нам дано лишь называть ее образно или метафорично. Кузанский назвал подобную середину совпадением противоположностей. Подобная середина была бы гарантом всех надежд после потери середины. Центр находится в недостижимом для нас месте, но равноудален от каждой точки земли.

В этом отношении актуально понятие справедливости. У Аристотеля справедливость не середина как все остальные добродетели, а та добродетель, которая создает середину для других добродетелей. В современных условиях справедливость есть условие сохранения правового государства. Мы знаем разницу между справедливым и несправедливым, характеризуя определенным способом людей или предметы. Мы знаем суть социальной справедливости и

требуем, чтобы институты гарантировали каждому индивидуальное право. Справедливость универсальна и конкретна одновременно. Однако трудно определить, что законно полагается каждому, еще трудней это реализовать.

Отметим, что неосуществимое требование индивидуальной и социальной справедливости может подразумевать надежду на метафизическую справедливость, которая есть вне этого мира, так как в этом мире она не очевидна. Несмотря на это, она не только трансцендентна, находится по ту сторону, но и спекулятивна. Чем быстрее исчезает эта надежда, тем охотней взваливается на инстанцию социальной справедливости сверхчеловеческая нагрузка, которую она не может вынести, это может привести только к разочарованию либо к утрате надежды на справедливость. И то и другое представляет угрозу для общества. Разочарование может перерасти в экстремизм, который из-за неизбежных неудач общественных инстанций в установлении справедливости берет право в свои руки, чтобы без оглядки на потери установить порядок. Другая крайность – сделать эту надежду на справедливость критерием ложного или истинного.

Практическое обхождение с крайностями

Философское размышление по поводу середины и крайностей может иметь практическое применение в выработке способов обращения с крайностями, противодействия им.

Отметим, что в борьбе против крайностей необходима житейская мудрость, которая предполагает развитую способность к саморефлексии в конкретной ситуации. Она допускает критический подход к собственной и общественной традиции и одновременно сохраняет связь с прошлым, принимая на веру традиции и обычаи. Демократичная государственная конституция в этом смысле – жизненная мудрость общества. Саморефлексия в данном случае – это поиск середины, постоянный анализ собственных склонно-

стей, симпатий, эмоций. Склонности, особенно тайные стремления, влияют на восприятие крайностей. Ничто не является таким противоречивым из-за страстей и влечений человеческого разума, как мир политического.

Самовосприятие помогает противодействовать подобным аффектам. Склонный к страху, вынужден разжигать свое мужество, чтобы не струсить. Когда общество дает сильный крен «влево», кто-то должен тянуть его «вправо». Конечно, такая борьба против основной тенденции не приведет к устойчивой середине, а будет выбором меньшего зла.

Восприятие крайностей весьма важно: кто осознает крайности, наверно, чувствует и середину. По словам Гегеля, государственный порядок станет очевиден только в его отсутствии. Сердину видимой делают крайности. Только несправедливость будит нашу надежду на справедливость. Всякий экстремизм воспринимается как вызов, часто нежелательный, но он предотвращает окостенелость культуры. Подобная мысль может отчасти примирить с существованием экстремизма.

Середина должна учитывать свои слабости: сегодня она уязвимей, чем когда-либо. Экстремисты охотно нападают на взгляды, которые исторически относительно новы: человеческие права как права индивидуума, равноправие рас, полов и религий, идея толерантности. Из-за склонности вместо середины (следовательно, добродетели) между крайностями выбирать среднее между серединой и крайностями (между добродетелью и пороком) возникает искушение отказаться от выработанных с великим трудом взглядов, унифицировать многообразие, закрыть «открытое общество», отражая нападение экстремистов. Вместо этого следовало бы создавать частичные середины, искать на всех уровнях медиаторов, демпферов, которым удастся реконструировать мир как устройство трудно согласуемых импульсов, интерпретаций, восприятий, чтобы понять его в этой противоречивости.

Самоконтроль медиатора начинается с мышления и речи. Речь, которая не знает промежуточных тонов, воодушевляет и вдохновляет экстремизм, потакает бинарному мышлению в черно-белых категориях, склоняет к разрушению мира в его несовместимых элементах. Тоталитаризм тоже живет за счет «образа врага» и пользуется риторикой агрессии. Примирительная речь уклоняется от крайних формулировок.

Чтобы не стать посредственностью, середина должна быть активной. Наряду с жизненной мудростью необходима выносливость, которая может прийти только на основе уверенности в том, что не все зависит от нас. Трудные политические задачи может выполнить тот, кто ищет середину по ту сторону времени и истории. Экстремизм – это прежде всего призыв к непримиримой борьбе, разрушению мира, это вызов созерцательному самоубеждению.

В заключение следует подчеркнуть ряд важных моментов. Постмодернизм дает нам урок осмысления действительности и ставит перед нами вопросы, на которые не в состоянии дать ответы. Постмодернисты выступают за толерантность и взаимное уважение, предлагают урегулирование конфликтов путем переговоров, консенсуса. Однако компромиссом и посредничеством не всегда можно эффективно преодолевать столкновения в обществе и примирить противоположные позиции. Противоречия – естественное состояние общества. Важно, чтобы они разрешались путем консенсуса и компромисса. Для этого конфликтующие стороны должны идти на определенные уступки. Поэтому нужно призывать не просто к толерантности (как делают это постмодернисты), а к тому, чтобы создавать такие условия, в которых все члены общества могли бы проявить свои физические и духовные потенции.

«Постмодернизм начинается там, где кончается целое» [4, с. 163]. Но возникает новая пространственно-временная конфигурация. Для определения этого качественного со-

стояния мира в научной среде утверждаются понятия «холизматическое время» и «холизматическое пространство» (от греч. «olos» – целое). Глобализация и процесс европейской интеграции заставляют нас переосмысливать идеи постмодернизма.

В целом позитивный и негативный опыт постмодернизма в решении задач современности позволяет нам выявить различные горизонты центристской политики, являющейся антитезой экстремистской методологии раскола общества на противоборствующие лагеря. Вместе с тем необходим синтез рационализма и постмодернизма. Иррационализм, связанный с эмоциями, чувствами, может обострять, а не разрешать социальные конфликты и межгосударственные противоречия.

Библиографический список

1. *Гобозов И.А.* Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // *Философия и общество*. 2000. № 2.
2. *Грачев А.С.* Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986.
3. *Давыдов Ю.Н.* Патологичность «состояния постмодерна» // *Философские науки*. 2001. № 4.
4. *Зыкова Г.Н.* Постмодернистская культура и социальное познание // *Философия и общество*. 2001. № 4.
5. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001.
6. *Миронов В.* Россия и центризм // *Свободная мысль*. 1993. № 12.
7. Политический центризм и шансы политической стабильности в России: Матер. круглого стола // *Власть*. 1998. № 7.
8. *Сазонов И.А.* Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // *Вестн. МГУ. Сер.12. Политические науки*. 2000. №2.
9. *Старостин А.* Современные российские элиты: на пути к новой конфигурации // *Власть*. 2003. № 7.
10. *Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст*. М.: Фонд «Традиция», 1997.
11. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
12. *Guggenberger B.* Sein oder Design // *Supermarkt der Lebenswelten*. Berlin: Rotbuch Verlag, 1998.
13. *Sedlmayer H.* Verlust der Mitte. Salzburg: KTO, 1948.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ**

**ОБОСНОВАНИЕ
В ПРИНЯТИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕШЕНИЙ:
ПОДХОДЫ
К ПРОБЛЕМЕ**

А. В. Атанесян

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ
ПРОЦЕСС
В КРАСНОДАРСКОМ
КРАЕ: ВАРИАНТЫ
ПЕРИОДИЗАЦИИ**

Р. З. Близняк

ОБОСНОВАНИЕ В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

А. В. Атанесян

Понятие «обоснование» является, пожалуй, одной из наиболее распространенных категорий в системе оценок политической деятельности.

На обыденном уровне обоснованность используется как критерий приемлемости, целесообразности, оправданности действия, а в политике – как основной гарант качества предлагаемого, обсуждаемого и принимаемого политического решения. Между тем мы часто слышим именно о недостаточной обоснованности принимаемых политических решений, причем эту претензию предъявляют друг другу сами лица, подготавливающие и/или принимающие решения (ЛППР)*, и, что более важно, представители заинтересованных сторон. Причины постоянной неудовлетворенности принимаемы-

---

* По О.И. Ларичеву, «лицом, принимающим решение (ЛПР) принято называть человека или группу людей, осуществляющих выбор наилучшего варианта решения и несущих ответственность за этот выбор» [15, с. 90]. Представляется, что ограничение процесса принятия решений одной из его стадий – стадией выбора наилучшего варианта решения недостаточно для отражения интересов данного исследования, где, кроме всего прочего, необходимо выявить роль обоснования в принятии политических решений как совокупном, едином процессе. Поэтому в дальнейшем в работе будет использоваться более емкая и, на наш взгляд, адекватная аббревиатура ЛППР как «лицо, подготавливающее и/или принимающее решение», где также отражен собирательный субъект процесса принятия решений.

ми в политике решениями кроются, вероятно, в том, что в современном обществе любое политическое решение затрагивает особенные интересы все большего числа разнообразных групп. В условиях плотного взаимодействия, частичного совпадения и столкновения различных целей, интересов и ценностей трудно удовлетворить большинство и почти невозможно удовлетворить всех. В этом контексте обоснованность политических решений имеет своей целью удовлетворенность большинства заинтересованных сторон.

Содержание современного понятия «политическое решение» стало специфичным, поскольку вышло за рамки того, что можно назвать полисом. Границы между различными областями общественной жизни, различными обществами, культурами и, наконец, между цивилизацией и природой с каждым шагом научно-технического прогресса становятся все более прозрачными и хрупкими для массивного вторжения. В современную эпоху получило официальное оформление множество «новых» политических, экономических, финансовых, культурных, религиозных и других гигантов транснационального и глобального масштаба – межгосударственные союзы и блоки, транснациональные компании, валютные фонды, глобальные экологические движения и т.п. Информационный простор, создаваемый глобальными системами связи и коммуникаций, порождает нечто в роде ценностного «сквозняка»; от силы дуновения транслируемой системы ценностей зависит устойчивость локальных культур. Поэтому внутри обществ резко возросла роль политики, и все большее количество решений, принимаемых «новыми» субъектами современной большой политики, имеют статус политически важных. Кроме того, решения, принимаемые как традиционными, так и «новыми» политическими акторами, все чаще приобретают глобальное значение. Дж. Грум по этому поводу пишет: «Иногда очень небольшие группы

людей, которые владеют достаточно ограниченными ресурсами и имеют незначительную поддержку, могут тем не менее иметь в своем распоряжении эффективные средства принуждения. По отношению к ним могут оказаться уязвимыми даже сверхдержавы. В качестве таковых групп могут выступать не только государства, но и ТНК: например, компания „Шелл“ изменила политику Нигерии» [5, с. 239].

Обоснование политических решений непосредственно связано с аргументативным аспектом политической коммуникации, причем при современных информационных возможностях эффективность принимаемых политических решений напрямую обусловлена коммуникативной детерминантой. В данной статье мы исходим из того, что обоснование политического решения является одновременно и ключевым компонентом социально-политической коммуникации, и неотъемлемым элементом самого процесса принятия решения.

Обоснование принимаемых решений составляет часть политического процесса, в ходе которого участники, принимая во внимание точки зрения заинтересованных субъектов, оценивают положительные и отрицательные стороны разных вариантов и выбирают какой-то один (подробнее см. [1]). По существу, обоснование представляет собой процесс оценки (с опорой на ценности) и выбора приемлемого (не обязательно наиболее технически рационального) варианта решения. Причем в пользу принятия решения могут выдвигаться и чисто прагматические, утилитарные, и психологические, эмоциональные аргументы. Поэтому сведение обоснования решений, например, к теории рационального выбора или к модели рационального актора, где предлагается идея рациональности любого выбора психически нормального человека [27; 28], приводит к сильному упрощению, при котором несовместимые ценности (например, территориальная целостность госу-

дарства и право народа на самоопределение) должны исключаться. В этом смысле рассмотрение процесса принятия политических решений с точки зрения необходимости их оценки и выбора, т.е. обоснования, выводит исследование на более емкий уровень, где не делается принципиальной разницы между тем, какой выбор следует считать рациональным, а какой – нет. Для признания решения обоснованным важно то, как субъект остановил на нем свой выбор, а также то, как ему удалось показать правильность своего выбора «внешним» участникам.

Внутреннее и внешнее обоснование

По существу, целесообразность решения оценивается в двух сферах: внутреннего и внешнего, или публичного, обоснования. Внутреннее обоснование складывается в процессе сбора и оценки информации, выработки альтернативных вариантов, их обсуждения, выбора одного из вариантов в качестве наиболее приемлемого. Этот процесс носит, как правило, закрытый характер, и в нем участвует ограниченный круг лиц (вплоть до одного). Когда ЛППР сделало политический выбор, он выносится в сферу внешнего, публичного, обоснования, на суд общественности – субъектов с разнородными интересами. Следует отметить, что СМИ, профсоюзы, лоббистские организации и группы давления способствуют проницаемости границ между внутренней и внешней сферами принятия политических решений, их оценки и обоснования.

Различение внешней и внутренней среды позволяет признавать в качестве ЛППР и индивидуального актора, и совокупности индивидуальных и коллективных политических акторов. Поэтому представляется правомерным для обозначения ЛППР употреблять понятия «принимающая решения единица», или «структура», предложенные Ч. Херманном [7, с. 69–71].

Таким образом, следует различать внутрисистемную (микросистемную) оценку ЛППР своих действий и решений и макросистемную оценку, связанную с легитимацией принятого «внутри» решения во внешней среде. Легитимация власти, согласно М. Веберу, представляет собой процесс самовыражения власти, необходимость которого исходит не столько из нее самой, сколько из внешней среды, в которую власть включена и от которой она получает импульсы. И если ЛППР как микросистема объединяет в себе конечное число лиц, обсуждающих между собой целесообразность имеющихся вариантов, то для легитимации решения ЛППР вынуждено вступать в диалог с макросистемой (поскольку прежде всего на нее решение окажет воздействие), учитывать ее требования, чтобы убедить в обоснованности принятого решения. Президент США Б. Клинтон удачно ухватил различие между внутренним и внешним обоснованием политических решений и необходимую связь между ними, сказав, что *«недостаточно просто знать правильное решение. Нужно еще его правильно преподнести»* [24, с. 147].

Особенности внутренней и внешней сфер обоснования политических решений зависят от многих факторов, и прежде всего от политического режима. Легитимация в условиях тоталитаризма приобретает символические формы, и потому «внешнее», или «публичное», обоснование решений имеет формальный, идеологически ритуализированный характер. Демократическое общество с развитой сферой публичной политики и регламентированным участием масс в принятии политических решений (разным типам демократии соответствуют разные системы политического участия масс) создает условие для совмещения оценок внутреннего и публичного обоснования.

Разница между аргументами, приводимыми во внутрисистемном обосновании и в его публичном выражении, не-

редко диктуется интересами неразглашения определенной информации, необходимостью ориентирования некоторых сведений на определенную аудиторию и т.д. Исходя из стратегических интересов, ЛППР может публично оглашать оценку, отличную от собственной оценки, в расчете на определенный эффект. Как пишет Л. А. Зак, «представление о контрагенте, высказываемое деятелем, может быть предназначено для самого контрагента, а также для населения, как данной страны, так и для населения страны-контрагента и служит официальным обоснованием принимаемого решения. В то же время оно может и совершенно не совпадать с тем дипломатическим имиджем, который деятель держит „про себя“ и из которого он в действительности исходит в своей политике» [8, с. 211]. Исследуя особенности дипломатических знаков, подаваемых политическими акторами с определенным расчетом, Л.А. Зак различает форму знака и его сущность. Под сущностью знака автор понимает реальное, действительное выражение проводимой политики, тогда как под формой «нужно понимать не внешнюю форму (заявление, дипломатическая нота и т.п.), а обоснование знака ссылками на различные благоприятные предлоги (оборона, защита слабых союзников, принципов международного права, поддержание „демократических институтов“ и т.д.)» [8, с. 30]. Форма знака может не совпадать с его сущностью.

Степень совпадения аргументов внутреннего и внешнего обоснования зависит также от того, в какой мере ЛППР осознает и оценивает необходимость привлечения к обсуждению решения внешней аудитории. Как пишет Н. Костенко, «субъекты присоединяются к открытому обсуждению политических проблем по разным причинам. Только часть из них искренне следует задачам понимания и публичной доказательности собственной точки зрения – то есть во всей полноте реализует коммуникативное дейст-

вие, для которого, по Хабермасу, искренность как субъективно осознанная свобода от аргументов власти и капитала, а также „правильность“ высказываний согласно общепринятым нормам интеракции являются столь же необходимыми составляющими, как и соотнесенность суждений с „объективной“ реальностью, конкретной общественной ситуацией. Другая часть субъектов инструментально подходит к своему участию в публичной сфере, используя ее в стратегических целях. Бурдые в этом случае говорит о „непреднамеренном двуличии“ политических выступлений, которые всегда двойственно детерминированы необходимостью „служить одновременно эзотерическим целям внутренней борьбы и экзотерическим целям внешней борьбы“» [11, с. 83]. Различия между внутренним и внешним, публичным, обоснованием проявляется также в ценностях, к которым апеллируют в аргументации.

Аргументы обоснования политических решений

Прежде всего, необходимо выделять *ценностные основания* политики и политических решений. Говоря об обосновании политических решений, необходимо выделять ценности, из которых участники исходят в постановке проблемы, в оценке альтернатив, аргументации, выборе наиболее приемлемого решения. «Если бы процесс принятия решения происходил в точной логической последовательности... то первым шагом государственного деятеля на пути к рациональному решению какой-то проблемы должно было бы быть уяснение того, что, с его точки зрения, является ценностями», – пишет Р. Хилсмэн [24, с. 152]. Ценности лежат в основе любой деятельности и служат ее оправданием.

Иерархия ценностей имеет сложную структуру и подвержена постоянным изменениям, что приводит к пере-

менчивости в оценках конкретных проявлений человеческой деятельности. Мир ценностей плюралистичен. Благие для всех ценности и идеалы считаются общечеловеческими и в своем содержании в основном совпадают с «вечными» ценностями. В принципе, этому соответствует представление об идеальной политике как о деятельности по гармонизации интересов, по наиболее полному и всеобъемлющему удовлетворению стремлений и чаяний людей независимо от их различий. Однако ни в политике, ни в экономике, ни даже в медицине не удалось приблизиться к осуществлению идеала, не говоря о торжестве общечеловеческих ценностей. Политологи зачастую ссылаются на несоизмеримость требований общества с возможностями политической системы. Конфликтологи полагают противоречия необходимым этапом развития в любой сфере человеческой деятельности. Психологи, в частности, представители популярных сегодня психоаналитических теорий, возникших почти одновременно с периодом бурного развития политологии на Западе, вообще пытаются свести ценностные ориентации человека (и, в частности, человека политического) к его сексуальной ориентации, представить его политическое поведение скорее как инстинктивное, чем как ценностно-рациональное. Все эти теории, безусловно, имеют под собой определенные научные основания, а политическая жизнь стабильно поставляет все новые практические примеры несоблюдения, попрания всеобщих ценностей. Нередки случаи, когда, например, расширение свободы одних достигается путем сужения свободы других. То же самое касается идеи всеобщего благосостояния, реализация которой часто похожа на перетягивание каната: если тянешь сильнее, то получаешь большую часть каната, а соперника приближаешь к черте бедности. Инвестиционную политику можно вписать в ту же модель: давая

инвестиции, т. е. несколько ослабляя канат, можно позволить сопернику немного отойти от черты, расслабиться, чтобы затем окончательно вытянуть весь канат.

Тем не менее политика базируется именно на общечеловеческих ценностях, ибо призвана выражать, осуществлять их (хотя бы частично) или, по крайней мере, стремиться к ним. В политике общечеловеческие ценности получают конкретное проявление. Среди них в основном указывают свободное и независимое политическое бытие, благосостояние и процветание граждан, безопасность границ и защиту прав человека [16]. Политическими ценностями следует считать все те ценностные феномены, которые наделяются конкретным политическим смыслом и выполняют в системе политического события определенную роль. Соответственно, *ценностными аргументами в обосновании политических решений* становятся все высказывания, наделяемые ценностным смыслом в процессе выработки, оценки и выбора политического решения. Поэтому следует говорить о двух толкованиях политических ценностей: широкое толкование включает все ценностные образования, которые функционируют в политическом контексте, узкое учитывает собственно политические ценности. Ценностные основания универсально представлены в обосновывающей аргументации.

Здесь следует затронуть роль антиценностей в обосновании политических решений. Кроме наивысших и всеобщих общечеловеческих ценностей и идеалов, выделяют и предельные антиценности, представляющие собой зло для всех и каждого. Синонимом глобальной антиценности может выступать, например, «преступление против человечества». Среди политических антиценностей сегодня выделяют, прежде всего, возможность начала третьей мировой войны, нацизм и фашизм, массовые и организованные нарушения прав человека вплоть до массового культурного

(этноцид) и физического (геноцид) уничтожения, организованный международный терроризм, дестабилизирующие общества конфликты (сегодня в основном на этнической почве) и т.д.

Своеобразную ценностную эволюцию претерпело понятие «демократия». Это по-своему уникальное явление наделялось в истории политической мысли как высокоценностным, так и антиценностным значением. Как пишет М.В. Ильин, «народ и власть были столь же многозначны для древних эллинов, сколь и для нас. По-гречески *demos* – народ, толпа, чернь, люди (в эпоху же расцвета полиса – собрание полноправных граждан, а в Аттике – основное подразделение граждан, или т.н. дем), а *kratos* – сила, власть, могущество, правление и даже победа... Это слово могло означать и торжество бунтующей черни, и господство низких слоев населения, и участие всех граждан в делах полиса, т.е. в политике, и решающую роль народного собрания, и систему правления лицами, уполномоченными на это с помощью формальных процедур предоставления долгов» [9, с. 317].

В современном контексте «моды на демократические преобразования» получают явное преимущество те решения, которые представляют собой часть демократических перемен. Обосновывая выбор того или иного решения, политик связывает его с необходимостью демократических преобразований – с совокупной ценностью, к которой должно стремиться любое уважающее себя современное общество, и представляет его как очередной, необходимый компонент этих преобразований. По существу, решение как некий политический шаг представляется в ценностном обосновании в качестве единицы – носителя общей ценности – демократии. Как правило, широко распространенным, особенно в западной политологии и практической аргументации, риторическим средством такого обоснования

служит периодическое напоминание о недопустимости тоталитаризма в любых его проявлениях (в частности, американцы по сей день не забывают в подобных случаях говорить о недопущении возврата к тоталитаризму в его советском варианте). Пресуппозицию такого приема аргументации можно представить следующим образом: единственная альтернатива выбору демократического курса видится в возврате к тоталитаризму (что явно не соответствует реалиям мировой политической жизни, где имеются промежуточные и альтернативные политические системы, подчас функционирующие достаточно эффективно). Итак, если необходимо сделать обоснованный выбор, то недопустимость тоталитаризма указывает на единственный выбор – выбор демократии и наоборот.

С ценностным обоснованием политических решений тесно связано понятие *политического интереса*. В конечном счете интерес – это практическое выражение ценностного подхода к знанию и действию. В понятии и явлении интереса конкретизируется направленность ценностной ориентации, ценностной иерархии придаются конкретные характеристики места, времени и делающего выбор субъекта. Интерес – конкретные, относительно устойчивые рамки функционирования и применения системы ценностей не только по отношению к выбору действий, но и к его оценке – к обоснованию.

Так, политическое решение не только вырабатывается и принимается исходя из конкретных политических интересов, не только оценивается с позиции их наиболее полной реализации, но и в дальнейшем преподносится как наиболее оптимальный путь достижения некоторых ценностей, в которых выказывается активная заинтересованность.

Политический интерес является реалистичным, прагматическим основанием и аргументом в процессе выработки конкретной политики. Более того, это основание характе-

ризуется рациональным подходом к действиям и решениям. В действиях политиков, как бы они ни обосновывались самими политиками, прежде всего пытаются найти тот общий стержень, который объясняет такое политическое поведение / действие. Дело в том, что в публичном обосновании политики политические интересы не всегда выражаются или объявляются адекватно, открыто, из чего, впрочем, не следует однозначного вывода о лживости, неискренности политики и политиков. Следует подчеркнуть, что частое очерчивание и публичное указание той или иной области государственных, национальных стратегических интересов является определенным признаком державности. В частности, объявление того или иного региона зоной национальных интересов стало неотъемлемой частью политического имиджа США. *В основании любой политической деятельности всегда предполагается наличие политического интереса.* Его направленность и непосредственное аргументативное выражение связано с феноменом *политической цели.*

Политический интерес всегда целенаправлен в той мере, в какой обретает предметность и переходит в конкретное действие. С какой целью принимается данное решение, какие цели преследует осуществляемая политика? Ответ на эти вопросы предполагает прежде всего указание такого предмета целевого отношения, который должен стать результатом заинтересованной активности. «Цель – важная социальная категория. Любая социальная система представляет собой результат деятельности субъектов, преследующих определенные цели. Сама система носит целевой характер, она призвана решать определенные задачи... Цель детерминируется определенными потребностями и интересами: общими и индивидуальными. Но вместе с тем она обладает собственной идеальной побудительной силой, мобилизируя на решение определенной задачи. Ориента-

ция в обстановке, основанная на понимании целей, является необходимым условием эффективности политики» [12, с. 67]. В сущности, цель – это единичный опредмеченный компонент ценностной системы, осознанный и «присвоенный» как интерес, реализованный как результат соответствующей направленной деятельности.

Обосновывающая сила цели как аргумента ярко выражена высказыванием «цель оправдывает средства», которое в первую очередь связывают с Н. Макиавелли и макиавеллизмом как принципом политического поведения. Если рассматривать политическое решение как необходимое средство достижения намеченных политических целей, а оно действительно является таковым, то сами цели как аргументы обосновывают, оправдывают выбор наиболее целесообразных средств (решений-действий). Здесь не обязательно видеть абсолютизацию роли политических целей в определении политического поведения, но приходится признать демонстрацию их реальной аргументативной силы.

В процессе обоснования часто приводятся *основания – аргументы нормативного характера*, и это не только яркая особенность дискуссивных процессов, но прежде всего характерная черта социального бытия, возникновения и функционирования общества.

Механизм нормативного обоснования действий и решений соответствует процессу принятия какого-либо решения, совершения определенного поступка в соответствии с принятыми в данной сфере деятельности нормами, правилами поведения. Вероятно, своего рода примером оценки такого действия/поведения может служить термин «нормальное», который не только своим содержанием (привычное, стандартное, ожидаемое поведение в обществе), но и языковым происхождением («нормальное» – соответствующее нормам, нормативное) олицетворяет тесную связь между действием и оценкой.

Итак, нормативное обоснование характерно тем, что в нем в качестве аргументов приводятся нормативные суждения. Будучи общими положениями, своего рода законами, правилами общего характера, нормы как аргументы-основания нацелены на оценку соответствия действий норме. По сравнению с основанием-нормой, которой свойствен общий характер, поступок-действие имеет более частный, индивидуальный, конкретный характер и соотносится с общим правилом, изложенным в норме, в контексте своей допустимости, правомерности, целесообразности и подобных критериев с точки зрения действующих норм.

Нередко та или иная сфера общественных отношений регулируется сразу несколькими видами норм, одно и то же действие оценивается с точки зрения соответствия/несоответствия различным нормативным определениям. Область политического несет на себе ответственность за судьбу всего общества, ее влияние в той или иной мере распространяется буквально на все сферы общественного бытия. Этим объясняется распространение на область политического нескольких основных нормативных систем, и прежде всего *норм права*.

Решение оценивается в первую очередь с точки зрения его правовой достаточности. Так, говорят о правомерности, правомочности, правовой обоснованности решения. Оба основных типа правовых норм – законы и подзаконные акты – являются неотъемлемыми основаниями политических решений.

Необходимо упомянуть механизм применения правовых норм в качестве оснований определенной деятельности. «С позиции формальной логики структура правовой нормы выражается формулой „если→то→иначе“. Эту формулу содержательно можно развернуть следующим образом: „Если будет иметь место указанные в норме обстоя-

тельства (гипотеза) * , то одно лицо вправе, а другое обязано совершать предусмотренные действия (диспозиция) **, а иначе для субъекта, не исполнившего обязанности, наступают какие-то неблагоприятные последствия (санкции)“» * [12, с. 32]. Таким образом, речь может идти об обоснованном в правовом плане решении, если зафиксированный в нем образ действий определен в результате объективной оценки ситуации и грамотного применения к ней соответствующих норм.

В процессе принятия международных политических решений и их обоснования принципы международного права играют роль первостепенных, наиболее весомых правовых аргументов, с максимально высокой степенью правовой достаточности. По существу, все они демонстрируют непосредственную соотнесенность всей системы международных отношений с политической волей и политическими решениями международных акторов.

Моральное обоснование, или обоснование путем приведения аргументов-доводов, представляющих собой морально-нравственные императивы и оценки, вероятно, практикуется так же долго, как долго существует ценностное отношение человека к окружающему миру и к собственной деятельности, переплетенное с очеловечиванием окружающего мира.

Нормы морали – это «неписанные заповеди и требования». Вопрос о взаимоотношении политики и морали является одним из основных в философских и политических произведениях прошлого и традиционным в современной

---

* «Гипотеза – часть правовой нормы, содержащая указания на те условия (фактические обстоятельства), с наступлением которых вступает в действие данная норма». «Санкция – часть нормы, содержащая указания на неблагоприятные последствия, наступающие при нарушении норм» [12, с. 32].

** «Диспозиция – содержательная часть нормы, указывающая на возможное и должное поведение субъектов, саму цель действия данной нормы» [12, с. 32].

* «Диспозиция – содержательная часть нормы, указывающая на возможное и должное поведение субъектов, саму цель действия данной нормы» [12, с. 32].

политической литературе. Можно сказать, что определение политики невозможно в отрыве от системы морально-нравственных представлений людей. Своеобразной пограничной дисциплиной между политической наукой и этикой становится *политическая этика* [2]. Как отмечает Б. Сутор, «мы потому и считаем политическую этику необходимой и полезной, что ведение политического спора посредством моральной аргументации, если последняя не продумана и не взвешена, может искажать его суть. Если... спорные политические вопросы, пусть и имеющие свою моральную сторону, нельзя разрешить, исходя только из моральных соображений, то политическая этика в той лишь мере и ценна, в какой она помогает дать ориентацию в споре, связанном с конфликтом целей в политике, а также в политических ситуациях, каковые чаще всего сложны. Она должна прояснять этическую структуру проблем и ситуаций, однако готовых решений предлагать не может. Политическая этика, в таком ее понимании, способна не покончить с политическим противоборством, но привести в него культуру» [23, с. 63].

Повсеместно являясь нормативным регулятором, мораль издавна и традиционно включена в систему нормативных детерминант политической деятельности. Однако одно из основных отличий политики от морали заключается, на наш взгляд, в том, что политическая направленность в большинстве своем узкоцелевая, тогда как мораль гуманна, всеобща. По существу, моральные принципы – это идеалы, которых никогда не достичь, но к которым всегда необходимо стремиться. Насколько политика в своих проявлениях стремится к морально-нравственным идеалам, теоретически сформулировано в виде трех [3, с. 75–80] или четырех [21, с. 56–64] моделей взаимодействия политики и морали:

1) *морализаторский подход* – утопии, в соответствии с которыми политика должна быть моральной не только в

своих целях, но и в избираемых ею средствах. С точки зрения обоснования моральные аргументы должны в любом случае превалировать над всеми остальными. Однако, как справедливо замечают авторы, «жизнь показала, что попытки полностью подчинить политику нравственности в духе морального абсолютизма обрекают ее на неэффективность и тем самым компрометируют и мораль, и политику» [21, с. 57];

2) *подчинение морали политике* на основании превосходства политической целесообразности над моральной оправданностью, трактовка морали в соответствии с политической необходимостью (по существу, наиболее объективный подход, отражающий реальное положение дел);

3) *разграничение политики и морали*, что, собственно говоря, означает отрицание роли моральных императивов в детерминации политики и политических решений. Этой концепции соответствует широко распространенное в народе и в среде политической элиты представление о «грязной политике», ее аморальности и т.д. Причем по этому поводу существует два противоположных подхода, связывающих безнравственность политики или с политиками, которые «в большинстве своем аморальны» и делают таковой политикой (в основном мнение народа), или с сущностью, природой политики, которая вне зависимости от конкретных представителей успешна, поскольку аморальна (в основном мнение известных представителей политической элиты). «В свое время кто-то предложил следующее определение: политический деятель – это лицо, получающее голоса от бедных и деньги от богатых за обещания защищать их друг от друга. А президент Джимми Картер заметил: „Политическая деятельность – вторая древнейшая в мире профессия, состоящая в близком родстве с первой“ [19, с. 25].

Существует точка зрения, согласно которой моральная оценка политики самими политиками не может быть оправдана с позиции самой морали, иначе это – демагогия [6]. С этой позиции следует определить как демагогию публичное обоснование политики и политических решений, так как публичный политик просто обязан быть демагогом.

Что касается средств осуществления и закрепления морали в политической жизни, то этот вопрос ставится в непосредственную зависимость от морального арбитра, а также затрагивает проблему допустимости и недопустимости использования аморальных средств для защиты высокоморальных целей. На сегодняшний момент (с учетом аргументации участников событий в Косово, Афганистане или Ираке) можно констатировать наличие следующей системы: если поставленная цель высокоморальна (во всяком случае, провозглашается как таковая), то ради ее достижения допустимо использование (в определенных пределах) антигуманных средств, в частности, военных. По-видимому, в этом традиции политики неизменны.

Нередко политические решения принимаются и обосновываются наличием (возникновением) определенного явления (проблемы), требующего соответствующего решения. Подобные явления политической жизни, имеющие конкретный, предметный характер и существующие в конкретных пространственных (территориальных, организационных) и временных (эпоха) измерениях, следует определить как *политические факты*^{*}. Обоснование выбора определенного решения с помощью политического факта представляет собой подкрепление конкретного намерения

---

* Большинство работ по политологии не дает определений понятия «политический факт», в отличие, например, от правовой и юридической литературы, где аналогичное понятие «юридический факт» получил конкретное определение. Что касается таких феноменов, как «политическое событие», «политическое действие» и т.п., то они в политической литературе достаточно разработаны [22].

актора объективной, фактической необходимостью. Политический факт, будь то политически значимое явление, действие или событие, указывает принимающему решение на наличие определенной проблемы, на необходимость реагирования путем принятия адекватного решения. Таким образом, феномен политического факта непосредственно включен в совокупный процесс принятия политических решений. Обосновать политическое решение политическим фактом означает привести довод, выражающий единичное объективное событие, в пользу необходимости именно такого выбора, принятия именно этого решения. Яркие примеры такого обоснования наблюдались, в частности, в процессе политической аргументации, сопровождавшей последнюю чеченскую кампанию, а также ряд военных операций США и НАТО после событий 11 сентября 2001 г.

Основным аргументом представителей политической элиты России в пользу необходимости, обоснованности силового решения был факт наличия в Чечне организованного сепаратизма и терроризма, который провоцировал нестабильность в регионе и угрожал жизни российских и иностранных граждан как в Чечне и на прилегающих территориях, так и по всей России. Раскольническая деятельность чеченских сепаратистов, поддерживаемая азиатскими и даже западными спонсорами, жестокие террористические акты в российских городах, похищение, торговля и убийство мирных жителей, а также иностранных граждан в Чечне – журналистов, представителей миротворческих миссий и т. д. – все это служило для российского руководства фактическими аргументами в пользу военного решения. «Московское руководство, доведенное до крайности агрессией чеченских, а с ними и международных террористов против российской Республики Дагестан, набегами на соседние с Чечней Ставропольский

край и другие земли России, похищениями людей, наконец, взрывами жилых домов в Москве и других городах с многими сотнями жертв, оказалось в ситуации, когда для него не оставалось иного выбора, кроме твердого отпора» [18, с. 80]. Типичной риторикой российской стороны, сопровождавшей военные действия в Чечне, было перечисление всех бед, причиненных чеченцами миру и спокойствию, безопасности людей, по сути – *перечисление фактов, обосновывавших именно военное решение.*

Целый ряд военных решений, основанных на факте 11 сентября 2001 г., был принят администрацией США во главе с президентом Дж. У. Бушем. Войны в Афганистане и Ираке мотивировались необходимостью уничтожения центров и представителей организованного терроризма в этих странах, причем данная аргументация используется на уровне внутреннего обоснования военных решений (благодаря подобной аргументации Буш пытался добиться предоставления конгрессом финансовых средств на ведение военных операций), и во внешнем обосновании (официальные и публичные выступления лидеров США).

В связи с этим хотелось бы отметить существование в политической жизни явления, которое можно назвать *созданием фактов.* Суть его состоит в том, что активное изменение фактических условий политического взаимодействия, существенная трансформация наличной политической ситуации вплоть до ее качественного изменения создает новые фактические основания для принятия политических решений, которые в прежней ситуации были невозможны. Так, в результате шестидневной войны израильская армия поставила арабов «перед фактом», создав выгодные для себя условия переговоров. Военные победы армянской стороны в карабахском конфликте создали фактические основания для послевоенного обсуждения проблемы. Приемлемость всех последующих моделей разре-

шения карабахского конфликта рассматривалась с учетом фактического положения дел.

В качестве фактического основания принятия политического решения может выступать политическая провокация, которая нередко служит реальным импульсом к определенным ответным действиям, а также формальным аргументативным прикрытием, обосновывающим заранее спланированные действия, для которых был нужен повод (см., например, [13, с. 376–382]).

Явление *политического прецедента* тесно связано с феноменами политического факта и политического решения как оснований для принятия новых решений. *Политический прецедент* – это политическое решение, которое в дальнейшем служит моделью для новых решений в аналогичных ситуациях. В центре действия политического прецедента лежит аналогия*. Разработка, выбор и принятие нового политического решения в этом случае обосновываются сходством ситуации, которую необходимо разрешить аналогичным образом. Действенность и распространенность политического прецедента как основания обусловлена не только наличием определенного опыта, апробацией решения в схожих ситуациях; при нехватке времени принятие решения на прецедентной основе оправдано быстротой реагирования.

Особенно часты на сегодняшний день попытки решения политических конфликтов на прецедентной основе. Характерным примером тому может служить военное решение о бомбардировках Косово в марте 1999 г. Неоднозначность оценок этого решения по сей день пронизывает сообщения об этом конфликте и о его сегодняшнем состоянии. Решение о военном вмешательстве в косовский кон-

---

* Как пишет Г.А. Брутян, «аналогия является действенным аргументом, имеющим немалую внушающую силу, эмоциональное воздействие на реципиента» [4, с. 54].

фликт вступило в противоречие с системой действующего международного права, что не отрицали сами инициаторы, подспудно апеллируя к необходимости реформировать его внесением соответствующих нормативных изменений. Как видим, решение относительно Косово – очень характерный пример возникновения и утверждения политического прецедента. О возможности решения других конфликтов на его основе заговорили сразу же, исходя из схожести ситуации. В частности, подобное настроение усматривалось у лидеров закавказских стран [25]. Вместе с тем существовало кардинально противоположное мнение о недопустимости такого решения косовского конфликта и его трактовки как «опасного прецедента» [14; 18].

Необходимо отметить, что исторические прецеденты могут не только становиться основанием для новых решений, но и обосновывать недопустимость принятия определенных решений именно в соответствии с уже имеющимися горькими историческими уроками. В таких случаях обоснование решений на прецедентной основе тесно сопряжено с морально-нравственной стороной дела. В случае с конфликтом в Косово сербской стороне нередко напоминали о событиях, произошедших на Косовом поле в 1389 г., когда сербская армия была разбита турками. В то же время действия НАТО в Косово характеризовались сербами как аналогичная акция против них на их же собственной исторической территории, теперь уже в современных условиях (см., например, [28]).

Приведенная классификация аргументов обоснования политики и политических решений не является исчерпывающей и подлежит дальнейшей разработке.

Библиографический список

1. *Атанесян А.В.* Обоснование в принятии политических решений. Ереван: Наука, 2002.
2. *Баллестрем К.Г.* Власть и мораль // *Философские науки.* 1991. № 8.
3. *Беляев А.А.* Политика как общественное явление // *Общая и прикладная политология.* М.: МГСУ, 1997.
4. *Брутян Г.А.* Очерк теории аргументации. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992.
5. *Грум Дж.* Растущее многообразие международных акторов // *Международные отношения: социологические подходы /* Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.
6. *Гусейнов А.А.* Моральная демагогия как форма апологии насилия // *Вопросы философии.* 1995. № 5.
7. *Егорова Е. В.* США в международных кризисах. М.: Наука, 1988.
8. *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М.: Международные отношения, 1976.
9. *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997.
10. *Истон Д.* Категории системного анализа политики // *Антология мировой политической мысли: В 5 т. /* Под ред. Г. Ю. Семигина. М.: Мысль, 1997. Т. 2.
11. *Костенко М.* Медиа в выборах: ценностные ориентиры украинской политической прессы // *Полис.* 1999. № 6.
12. *Котов Д.П.* Основы права. М.: Центр, 1998.
13. *Краснов Б.И.* Политические конфликты // *Общая и прикладная политология.* М.: МГСУ, 1997.
14. *Кружков В.* Югославский прецедент опасен для мира // *Международная жизнь.* 1999. № 10.
15. *Ларичев О.И.* Аналитические средства подготовки и принятия решений // *Политик и общество* М.: Независимый ин-т социал.-ист. проблем, 1995. С. 89–98.
16. *Лебедев А.И.* Политические ценности как сложный и многомерный объект // *Вестн. Моск. ун-та.* 1999. Сер. 12. Политические науки. № 2.
17. *Матвеева Т.Д.* О двойном стандарте в международном праве // *Международная жизнь.* 1999. № 12.
18. *Нарочницкая Н.* Избежать нового передела мира // *Международная жизнь.* 1999. № 11.
19. *Паренти М.* Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990.

20. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 2000.
21. Санистебан Л.С. Основы политической науки. М.: Владан, 1992.
22. Сутор Б. Политическая этика // Полис. 1993. № 1.
23. Ушакин С.А. Речь как политическое действие // Полис. 1995. № 5.
24. Хилзмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956.
25. Чернявский С. Балканский ответ в Закавказье // Международная жизнь. 1999. № 7.
26. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7.
27. Allison G., Zelikow Ph. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. N.Y.: Longman, 1999.
28. Augstein R. Ein Krieg ohne Zufall? // Der Spiegel. 1999. № 13.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ВАРИАНТЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Р. З. Близняк

Политические и социально-экономические процессы постперестроечного периода привели не только к серьезным трансформациям внутри политической системы, но и к изменению направления политического развития, смене режима, с которым многие связывают основную движущую силу модернизации в России. Базовыми основаниями российского политического процесса в это время становятся демократические способы формирования органов государственной власти, важнейшая роль отводится выборным процедурам. Выборы, с одной стороны, необходимы элитам, чтобы легитимировать свое пребывание на высших этажах политического здания, с другой – являются едва ли не единственной реальной возможностью для граждан страны участвовать в принятии политических решений.

Однако ожидания элит и электората определяются отнюдь не единомоментно. Мнения и взгляды избирателей формируются и изменяются под воздействием текущих событий политической жизни страны в период между одними и другими выборами. Точно так же представителям элиты и претендентам на вхождение в нее приходится задумываться о собственном политическом будущем задолго до момента выборов. Вся совокупность как непосредственно, так и опосредованно политических событий, имеющих значимость с точки зрения электорально-выборных отношений, и предлагается рассматривать как электоральный процесс.

Исходными хронологическими рамками кубанского электорального процесса являются 1991 и 2003 гг. Выбор 1991 г. в качестве нижней границы представляется оправ-

данным хотя бы потому, что именно с него начался новый этап в истории всей страны. А Краснодарский край стал первым регионом России, куда новой российской властью был назначен глава администрации, причем уже 24 августа 1991 г., день в день с появлением самой этой должности. Соответственно, 2003 г. был обозначен верхним рубежом. Несмотря на известную преемственность, если не в курсе проводимой предшественником политики, то, по крайней мере, в наследовании власти, нынешний губернатор А.Н. Ткачев – это оригинальная политическая фигура с иным политическим опытом, весом и стилем руководства. Он по-своему выстраивает отношения и с федеральным центром, и с полпредством президента в Южном ФО, и с электоратом региона. Подводить итоги деятельности команды нового губернатора рано, поскольку электоральный процесс находится как раз в самом разгаре; можно делать лишь промежуточные выводы и прогнозы.

В свою очередь, внутри очерченного промежутка времени вполне логичным выглядит выделение двух завершенных периодов – 1991–1996 и 1996–2000 гг. и текущего – 2000–2003 гг. Принимая во внимание различные сугубо политические доводы о необходимости такого шага, следует выделить главное электоральное основание подобного структурирования, которое заключается в изменении принципа формирования исполнительной власти в Краснодарском крае (как, впрочем, и других субъектах федерации). Так, если три первых губернатора – В. Н. Дьяконов, Н. Д. Егоров и Е. М. Харитонов – назначались и снимались с должности указами президента, то четвертый – Н.И. Кондратенко, став первым «всенародно избранным», согласно Уставу края руководил Кубанью все четыре года [5].

Обращает на себя внимание некоторое совпадение такой периодизации регионального электорального процесса с

одним из вариантов хронологического структурирования политической жизни России в целом. В его основе лежит личностный подход, и речь идет о двух этапах правления президента Ельцина. По-разному можно относиться к результатам его деятельности, но действительно трудно переоценить значение этой политической фигуры в новейшей истории Российского государства, роль, которую он в ней сыграл. Его решения и поступки (не только государственные, но и личные) во многом определяли расстановку сил, как на общероссийской сцене, так и в регионах [8], в том числе и на Кубани. Как знать, не скомпрометируй себя режим Ельцина в глазах избирателей-кубанцев, прояви он себя иначе по отношению к губернатору Егорову в 1994 или 1996 гг., и тогда, возможно, не пришел бы к власти Н.И. Кондратенко, а Краснодарский край не стал бы регионом «красного пояса» России.

Следует также отметить, что два срока правления первого президента существенно отличались друг от друга не только личностно-событийными характеристиками, но и тенденциями развития страны вообще. Представляется, что в первые годы пребывания у власти Б.Н. Ельцин был более активен и самостоятелен в принятии кардинальных политических решений. Все внимание в это время сосредоточивалось на формировании нового политического порядка, простроение новых институтов, а после 1996 г. – на их утверждение и «наращивание» временного промежутка, отдаляющего в памяти свершившиеся революционные перемены и делающего новое положение вещей привычным. Здесь электоральные моменты кажутся второстепенными. Конечно, если бы в результате выборов 1996 г. к власти пришли коммунисты во главе с Г. А. Зюгановым, то тогда следовало бы подчеркнуть особую важность электоральной составляющей демократического политического процесса, но произошло по-другому.

Что же касается Краснодарского края, то здесь (как и в других регионах России) изменение принципа формирования исполнительной власти, санкционированное федеральным центром, стало во многом определяющим. В самом деле, назначаемые главы администрации были лояльны по отношению к президенту и проводили в целом соответствующую политику, тогда как всенародно избранный Н.И. Кондратенко, будучи сам фигурой сильной и пользуясь обнаруживающейся слабостью центральной власти, перешел к ней в оппозицию[1, с. 59–66; 2, с. 3–10].

Возникает вопрос, почему базовым критерием при хронологическом структурировании электорального процесса в Краснодарском крае послужили выборы именно главы администрации (губернатора), а не выборы, например, депутатов Законодательного собрания? Ведь ЗСК – это целый корпус народных избранников, включающий 50 (а по новому законодательству – 70) человек; причем корпус законодательный, где принимаются коллективные решения, выработываемые с учетом интересов, ожиданий и требований различных групп и слоев кубанского электората. Тогда этапами регионального электорального процесса стали бы сроки отправления своих полномочий законодателями края, а именно: 1994–1998, 1998–2002 гг. Если к тому же в отдельный этап выделить еще и работу краевого Совета народных депутатов, функционировавшего с 1991 по 1994 г., то периодизация электорального процесса (один из ее вариантов) приобрела бы вполне законченный вид, охватив всю деятельность легислатуры края.

Однако именно глава исполнительной власти традиционно признается ведущим политическим актором на Кубани и чаще депутатов ЗСК становится «ивент-мейкером» – «создателем событий», в том числе политических, а следовательно, и электоральных, тем самым привлекая к себе, своим действиям и поступкам больше общественного внимания.

Эти тенденции имеют ряд причин. Во-первых, события политической и социально-экономической жизни 1990-х гг. Выдвигали на политическую сцену края людей неординарных. Вряд ли можно заподозрить В. Н. Дьяконова, Н. Д. Егорова, Е. М. Харитонову, Н. И. Кондратенко и А. Н. Ткачева в отсутствии активной политической позиции и ярких лидерских качеств. Во-вторых, первый период регионального электорального процесса ознаменовался противостоянием исполнительной и законодательной ветвей власти и завершился усилением первой.

Когда же должность губернатора стала выборной, им стал Н. И. Кондратенко, фигура абсолютно мифологическая на Кубани. Его популярность была настолько высока, что для того, чтобы стать депутатом ЗСК-98, требовалось продемонстрировать свою близость и/или преданность ему лично. В итоге сторонники губернатора контролировали большинство в региональном парламенте, и мало кто из депутатов осмеливался противопоставлять себя Кондратенко.

Еще одним вариантом упорядочения событий регионального электорального процесса может стать периодизация процесса общероссийского, критериями структурирования которого служат думские или президентские выборы. Так или иначе, выбор периодизации в каждом конкретном случае обусловлен целями и задачами, стоящими перед исследователем. Если в центре внимания находятся такие события общенационального масштаба, как избирательная кампания по выборам президента, и анализу подвергается ее ход в конкретном регионе, ее результаты и их соотношение с общероссийскими показателями или же рассматриваются избирательные стратегии политических партий, характер взаимодействия центрального и регионального руководства в предвыборный или межвыборный период, перспективы партийного строительства и т.д., то,

безусловно, логичным будет обращение именно к периодизации общероссийского электорального процесса. Если же речь идет о событиях и процессах регионального значения (что и имеет место в данной работе), где федеральные показатели играют вспомогательную роль (они интересуют ровно настолько, насколько обуславливают и обуславливаются региональной тематикой), целесообразнее было бы использовать периодизацию, основанную на собственных критериях структурирования, например, губернаторских выборах.

Необходимо отметить, что в политологической литературе наряду с термином «электоральный процесс» часто встречается термин «электоральный цикл». В связи с этим возникает вопрос: как соотносятся периоды электорального процесса с электоральными циклами?

В российской политической практике на данный момент утвердился (или утверждается?) следующий порядок выборов действий. Хронологически первыми становятся выборы депутатов ГД РФ, предваряемые более или менее длительной предвыборной, а затем и собственно избирательной кампанией. Длительность и содержательность ее определяются серьезностью намерений потенциальных кандидатов, партий, власти. Поскольку планы и действия элитных группировок относительно президентских выборов корректируются в соответствии с результатами выборов в Думу, это дает основание называть последние «пробным шаром», «полигоном испытаний» политических, экономических, социальных программ и инициатив, прочности предвыборных коалиций и конкретных кандидатов, правильности избирательных стратегий и тактик. Впрочем, это логично, ведь для действующей власти, равно как и для основных претендентов на нее, конечным пунктом, разумеется, являются именно президентские выборы. Поэтому парламентская кампания есть лишь промежуточ-

ный этап: с одной стороны, это индикатор общественных настроений и ожиданий, с другой – возможность подготовить почву (группу поддержки в действующем парламенте) для своего кандидата на «главных выборах» страны и одновременно попытка нейтрализовать потенциальных конкурентов [6, с. 7–12; 7, с. 45–61].

Таким образом, есть все основания полагать, что указанные выборные интеракции, следующие друг за другом, представляя собой избирательный цикл. В постсоветской российской истории таковых насчитывается два – 1995–1996 и 1999–2000 гг. В основе такого рода цикличности лежит борьба за представительство в высшем законодательном органе власти и за пост президента, выражающаяся в форме конкурентных демократических выборов.

В коллективной монографии «Первый электоральный цикл в России (1993–1996)» авторы анализируют не только избирательные процедуры, состояние избирательного законодательства в означенный период времени, но и выявляют факторы электорального успеха, в частности в одномандатных округах (глава 5), исследуют установки и выбор российского избирателя (глава 7), сравнивают электоральную политику партий и власти (глава 4). Другими словами, дается комплексный, всесторонний анализ целого пласта электоральной (политической) реальности: «Сейчас перед Россией стоят три наиболее важные взаимосвязанные задачи. Первая – обеспечение стабильности политической системы. Эта задача значима с точки зрения как перспективы, так и дня сегодняшнего. Вторая – поиск ответов на модернизационные вызовы. Третья – осуществимость демократизации и ее значение в более широком контексте. Для определения качественных особенностей выборов 1993–1996 гг. и 1999–2000 гг. важно учитывать их роль в решении этих трех задач» [3, с. 6]. Остается пояснить, что поскольку I Государственная Дума функционировала всего два года и

была в известном смысле экспериментом, то авторы фактическим началом первого электорального цикла посчитали именно 1993 г.

Если же федеральный электоральный процесс разбить на периоды, то в соответствии с высказанной выше логикой, они будут представлять собой следующие временные отрезки: 1991–1993, 1993–1995, 1995–1999, 1999–2003 гг. (по срокам функционирования законодательных органов власти) или же 1991–1996, 1996–2000, 2000–2004 гг. и т.д. (по президентским срокам).

Итак, цикл – это «совокупность явлений, процессов, составляющая кругооборот в течение определенного промежутка времени» [4, с. 863]. Период же есть стадия длящегося либо уже закончившегося процесса. Он так же, как и цикл, имеет свои границы и предполагает некую завершенность, однако в отличие от цикла, не претендует на полное воспроизведение чего-либо (предмета, системы, др.). В итоге, как цикл может быть составной частью периода, так и несколько периодов могут представлять собою цикл. Например, период электорального процесса протяженностью 1991–2004 гг. включает в себя следующие циклы: 1993–1996, 1999–2000 и 2003–2004 гг., и, наоборот, в цикле 1993–1996 гг. выделяются такие самостоятельные этапы, как кампания 1993, кампании 1995 и 1996 гг. Все зависит от того, что изучает исследователь, какие цели и задачи он перед собой ставит и пытается решать. Этим и обуславливается выбор той системы координат, в которой ему предстоит действовать.

Таким образом, подводя итоги, необходимо выделить следующие положения.

Поскольку в основе периодизации регионального процесса на Кубани лежит отсчет промежутков электорального времени, ограниченных выборами одного порядка, в данном случае – срок исполнения губернаторами сво-

их полномочий, то первый электоральный период (1991–1996 гг.) отличается известной долей своеобразия. Его начало обусловлено не выборами собственно главы администрации, и даже не выборами главы исполнительной власти – Президента РФ, а сменой политического режима в стране вообще. Эта смена политического режима своей оборотной стороной имела осуществление принципа разделения властей в государстве и формирование новых органов государственной власти, в том числе в субъектах федерации.

Началом второго электорального периода послужила реализация нового принципа формирования исполнительной власти в крае – выборы главы администрации в 1996 г., а началом третьего стало истечение полномочий избранного главы в 2000 г. и назначение следующих выборов.

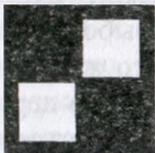
Выборы и референдумы осуществлялись на протяжении обоих электоральных периодов практически каждый год (исключение составили только 1991, 1997 и 2001 гг.). Трудными в электоральном процессе следует признать 1996 и 2000 гг., так как в силу региональной специфики помимо общероссийских выборов президента имели место выборы главы администрации и органов местного самоуправления в городах и районах края. Такое переплетение электоральных мероприятий, осуществляемое в скоростном режиме, вызывало неоднократную перестановку и перегруппировку сил на политической арене, заставляло политическую элиту адаптироваться к всякий раз меняющимся условиям. Это, в свою очередь, позволяет детально структурировать региональный электоральный процесс на Кубани, разбивая каждый из периодов на этапы: 1-й этап – 1991–1993, 2-й этап – 1994–1996, 3-й этап – 1997–1998, 4-й этап – 1999–2000, 5-й этап – 2001–2003 гг.

Водоразделом между этапами первого периода стало изменение принципа формирования представительного (законодательного) органа государственной власти и, по

сути, окончательное разделение властей в крае. Во втором случае основанием для деления послужили выборы депутатов ЗСК следующего созыва. Оба события так или иначе привели к изменению акцентов в деятельности политической элиты и корректировке курса, проводимого исполнительной властью.

Библиографический список

1. *Афанасьев М.Н.* Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. 1994. № 6.
2. *Бадовский Д.В., Шутов А.Ю.* Региональные политические элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. №6.
3. *Мелешкина Е.Ю.* Выборы 1999 – 2000 гг. сквозь призму предыдущего электорального цикла // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М.: Весь мир, 2000.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Современник, 1998.
5. Устав Краснодарского края. Краснодар: Краснодарские известия, 1997.
6. *Чекалкин В.* Политический процесс в России в свете парламентских выборов // Власть. 1999. № 11.
7. *Шейнис В.* Третий раунд (к итогам парламентских и президентских выборов) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 9.
8. Электоральный процесс в регионах России (Заочный «круглый» стол) // <http://www.politstudies.ru/fulltext/1998/5/16.htm>.

**ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ**

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ
ДОЛЖНА БЫТЬ
КОНСТРУКТИВНОЙ
(ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА)**

З. И. Рябикина

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ КОНСТРУКТИВНОЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА)

З. И. Рябикина

В социально ориентированных науках понятие «толерантность» обжилося, обрело много дефиниций, трактовок. Что больше в развернутой активной работе исследователей, пытающихся концептуализировать, научно освоить обозначенное этим словом явление?

Это – стремление исследователей выполнить заказ социальных структур, не справляющихся с рассерженным, настроенным враждебно населением и способных оплатить научную «услугу»?

Или это угаданное исследователями умонастроение, уставших от непродуктивной агрессии народных масс? В нашей жизни многочисленные ситуации взаимной агрессии, непримиримости и последующего разочарования из-за того, что проблема, вызвавшая агрессивное противостояние, не только не разрешается, но и обостряется. У нас возникает понимание неэффективности такого поведения и желание найти способы решения наших коммуникативных проблем в полюсном состоянии, а именно во взаимной терпимости или толерантности.

Известный политтехнолог Глеб Павловский, пытаясь спрогнозировать ситуацию предстоящих выборов президента, настойчиво задается вопросом: «Чего ждет избиратель от президента?», и отвечает: «Президент, во-первых, не должен быть конфликтным, должен быть ориентирован на примирение». Ориентацией на примирение он объясняет и отсечение крайностей, которое мы видим в результатах выборов 2003 г. В этом, по его мнению, выразился акцентированный запрос общества на толерантность.

Итак, мы ищем способы конструктивного решения проблем в толерантности, и те, кто исследуют этот феномен, расширяют и уточняют наши представления о нем, тем самым помогая нам всем решать и собственные, и общие проблемы.

Но какими бы ни были причины активного интереса исследователей к феноменологии и закономерностям толерантности, следует констатировать, что появилось множество текстов, в которых она анализируется.

Здесь уместно вспомнить то, что писал лидер социального конструкционизма К. Джерден: «Описания и объяснения мира сами конституируют формы социального действия». Иными словами, часто употребляемое понятие, привычно возникающая в разговоре тема, сложившийся способ объяснения происходящего конструируют мир, в котором мы живем.

Усиленное использование понятия «толерантность» различными специалистами, но особенно психологами, способствует его распространенности в обыденном языке, а также частоте привлекаемости этого понятия в качестве объяснительного конструкта при объяснении человеком как своего поведения, так и поведения возможного партнера по общению.

Следует отметить, что в целом возрастает интерес обывателя к психологическим знаниям, к возможностям их ис-

пользования с манипулятивистскими намерениями. Любопытство к внутреннему миру человека возросло почти безгранично. Количество популярной психологической литературы в книжных магазинах, многочисленные психологоориентированные программы TV – тому прямое свидетельство.

При постоянно возрастающем запросе на получение все более дифференцированной информации о составляющих познания субъектом собственной психической реальности и психической реальности, носителем которой является другой человек, можно с уверенностью говорить о том, что корректная/некорректная рефлексия обывателем психической реальности есть важная составляющая социального действия и выстраиваемого бытия.

Из-за акцентированного внимания к психологическим феноменам, объяснительным конструктам, тиражируемым в СМИ, нарастает рефлексивность, в связи с чем все более увеличивается влияние этих переменных на состояние и поведение современного человека. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что психология становится более действенной, а те, кто создает психологическое знание и способствует его тиражированию, должны в большей степени отслеживать, «чем наше слово отзовется».

Значимость проблемы обусловлена возрастающей распространенностью упрощенных, зачастую излишне абсолютизируемых, лишенных контекста и поэтому искаженных психологических знаний.

В самой психологической науке все более очевидной становится опасность слишком абстрактного, вырванного из жизненного контекста, рассмотрения отдельных феноменов. Очевидна необходимость *дихотомичного* рассмотрения актуальных психологических явлений, характеризующих позицию личности по отношению к бытию (толерантность, адаптация, самоактуализация, свобода

личности и пр.), или более точного очерчивания *области применимости* исследуемого и интерпретируемого психологического феномена. В исследованиях феномена внимание должно уделяться *уравновешивающим оппозитным процессам*. Научная абстракция, трактуемая как таковая собратями по научному цеху, может вызывать раздражение. Но та же научная абстракция, тиражируемая СМИ и овладевшая сознанием масс, может стать разрушительным фактором для конкретного человека и неосторожно оперирующего с ней сообщества.

Оппозитным процессом по отношению к толерантности выступает самореализация, трактуемая как ориентация человека на аутентичное бытие, как присущая человеку интенция на реализацию всех его потенциалов.

Как соотносить ценность самореализации с призывами быть толерантным? Нет работ, в которых бы достаточно ясно соотносились эти две направленности, обуславливающие поведение человека в социуме. Очевидно то, что в обыденном сознании они нередко могут создавать впечатление конфликтующих, хотя более корректно иное рассмотрение отношения этих феноменов. Резко повысилась плотность контактов человека с другими людьми, увеличилось количество коммуникаций, возросла неопределенность в условиях большей свободы индивидуальной активности. Людям необходимо научиться жить на одной территории, которая все более наполняется субъектами, претендующими на то, чтобы организовать ее по своему разумению. Человеку надо уметь находить компромисс между самореализацией и толерантностью, т.е., с одной стороны, сохранить возможность реализовать себя, создав аутентичное своей природе бытие, с другой стороны, дать возможность другому реализовать проект его бытия. Поэтому исследования психологических закономерностей самореализации, тех состояний и преоб-

разований, которые должны быть реализованы субъектом, дополняются не менее актуальной и практически значимой темой толерантности.

В поисках ответа на вопрос о возможном соотношении толерантного поведения и интенции на самореализацию проведено исследование, включавшее в себя несколько этапов. На первом этапе было рассмотрено, в каком содержательном наполнении предстает понятие «толерантность» в обыденном сознании, чтобы затем соотнести это содержание с интенцией человека состояться как личность со свойственной ей тенденцией самореализации. Почему вопрос поставлен именно так?

В настоящее время в психологии и смежных науках, занимающихся проблемами человека, его отношениями в социальном мире, термин «толерантность» употребляется в разных значениях и наполняется различающимся психологическим содержанием. Какое представление о толерантности преобладает в обыденном сознании?

В проведенном исследовании были поставлены следующие задачи:

- выявить значения, которыми наделяется понятие «толерантность» *в обыденном сознании*;
- определить активность его использования или частоту обращенности к нему;
- определить отношение респондентов к этой характеристике человека.

На первом этапе в исследовании приняли участие 50 респондентов. Из них 33 женщины и 17 мужчин. Возраст – 18–30 лет. Образование высшее или неоконченное высшее.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди участников опроса 85% женщин и 53% мужчин ответили, что им знакомо понятие «толерантность».

Мужчины-респонденты отметили, что им не свойственно использовать понятие «толерантность», характеризуя себя или других, и только один из них сказал, что иногда употребляет это понятие, хотя не очень точно знает, что оно означает. 24% женщин-респондентов используют это понятие и 6% иногда употребляют, не очень точно представляя его содержание.

Из опрошенных женщин 21% считают себя толерантным человеком, и таких совсем нет среди мужчин.

На просьбу оценить уровень толерантности у тех с кем приходится контактировать в обыденной жизни мужчины и женщины также ответили по-разному. 24% женщин склонны считать окружающих достаточно толерантными. Среди мужчин такая точка зрения не обнаружена. Одинаковое количество мужчин и женщин (по 6%) отметили, что окружающие скорее слишком толерантны. 36% женщин и 24% мужчин оценили толерантность окружающих людей как недостаточную. Остальные затруднились дать ответ.

Выражая свое отношение к толерантности, 55% женщин и 41% мужчин ответили, что считают это качество безусловно положительным. 6% мужчин и 3% женщин скорее склонны рассматривать его как плохое.

В воспитании собственного ребенка 60% женщин и 12% мужчин отметили свое стремление сделать его более толерантным. 18% мужчин на этот вопрос ответили категорическим «нет». Среди женщин такой ответ не встречался.

Отвечая на вопрос «Как изменится мир, если люди станут более толерантными?», мужчины дали ответ «улучшится» в 24% случаев, женщины – в 52%. Ответ «последствия непредсказуемы» был сформулирован 18% мужчин и

таким же количеством (18%) женщин. «Мир ухудшится», – ответили 6% мужчин. У женщин такого ответа нет.

Раскрывая содержание понятия «толерантность», респонденты чаще всего применяли слово «терпимость» (83%). Помимо этого определения в трактовке понятия использовались такие характеристики, как: «самообладание», «спокойствие», «выдержка», «устойчивость», «не агрессивный», «не конфликтный», «демократичный», «готовность к компромиссу», «уважение к другому человеку», «доброта», «отзывчивость», «понимание», «уступчивость», «способность жертвовать своими интересами», «самопожертвование» и др.

ВЫВОДЫ

Исследование показало, что понятие «толерантность» в обыденном сознании скорее ассоциируется со способностью человека сдерживаться, не проявлять себя (свое отношение) и даже иногда с необходимостью жертвенности.

Приблизительно половина из опрошенных женщин и только третья часть мужчин склонны оценивать таким образом трактуемую толерантность как положительную особенность человека.

Каким образом можно объяснить эту разницу между мужчинами и женщинами?

Вероятно, мужчины традиционно демонстрируют более высокие показатели направленности на самореализацию, естественно, толерантность, ассоциируемая «со способностью сдерживаться, не проявлять себя», т.е. содержательно противопоставленная самореализации, воспринимается ими зачастую негативно.

В проведенном исследовании использовалась довольно грубая процедура сбора эмпирики, не защищенная от проявлений свойственного человеку стремления соответ-

ствовать социальным ожиданиям, а также стремления поддержать либо противостоять решению исследовательских задач, довольно прозрачно проступающих сквозь текст, предворявшей анкету инструкции.

Другой метод, привлеченный в ходе следующего этапа исследования, создавал впечатление игры без очевидной для участников постановки исследовательских задач.

Метод получил название «Продолжение игры», поскольку, собственно, и был продолжением известной телевизионной игры «Последний герой».

После распределения по желанию ролей между участниками экспериментальной ситуации была проведена серия закрытых голосований (аналогично процедуре в телевизионной игре) за «изгнание» персонажей игры. Как и в случае реальной игры, голосовавший участник называл характеристики человека, послужившие основанием для принятия им решения «изгнать».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В итоге проведенной процедуры были получены следующие результаты:

- выстроилась последовательность героев (в соответствии с последовательностью изгнаний), в большей или меньшей степени заслуживших симпатии/антипатии участников эксперимента;
- определился частотный словарь черт личности, послуживших основанием для изгнания персонажа из игры;
- выявились характеристики личности, послужившие обоснованием симпатий к герою-участнику игры «Последний герой».

Первое место в рейтинге причин изгнания заняли характеристики «конфликтность», «скандальность» и пр. Пер-

вый изгнанный – А. Целованский. Его психологический портрет в качестве одной из стержневых характеристик содер­жал указание на то, что можно обобщенно обозначить как интолерантность.

Лучшие результаты в игре были достигнуты И. Любимовым и И. Гомес (в отличие от телевизионной игры С. Одинцов выбыл, не дойдя до финала). Стержневые ха­рактеристики в их психологических портретах – гибкость в отношениях, неконфликтность, умение ладить с разными людьми. Наши участники эксперимента не использовали понятие «толерантность», но содержательно представили в описаниях понравившихся им героев именно свойственный им толерантный тип общения.

ВЫВОДЫ

Метод «Продолжение игры» позволил подтвердить при­влекательность толерантного поведения не в опросной процедуре, а в реальном действии, через выражение участ­никами эксперимента реальных предпочтений в выборе людей, поведению которых свойственна большая/меньшая толерантность.

В ходе исследования были получены некоторые допол­нительные существенные штрихи, характеризующие от­ношение к толерантности. А именно то, что толерантность может расцениваться по-разному в зависимости от лично­стного контекста. В рейтинге причин изгнания рядом с ин­толерантностью стоит «бездеятельность». Напротив, ха­рактеризуя понравившихся героев, как правило, респон­денты отмечали их деятельную позицию, в том числе и в выстраивании отношений с другими участниками игры. То есть в реальном действии предпочтение отдается не тому варианту толерантности, который в нашем первом исследовании предстал через обобщение результатов опросной

процедуры (это толерантность, ассоциируемая со способностью сдерживаться, терпеть, не проявлять себя и свое отношение и даже иногда с жертвенностью), а толерантности, предполагающей способность личности не игнорировать другого, не терпеть присутствие другого, а активно *строить событие с другим, при этом не отказываясь от себя, сохранять ориентацию на самореализацию.*

Таким образом, в данном случае есть основания говорить о *двух типах толерантности*, в зависимости от того, в какую конфигурацию личностных черт она вписывается. Условно обозначим их как *толерантность активную и толерантность пассивную*. Дуальность психологического содержания этого феномена обуславливает двойственность отношения к нему, проявившуюся в содержании бытийного сознания, особенно в гендерной дифференциации этого содержания (см. результаты первого исследования): скорее позитивное отношение женщин и скорее негативное отношение мужчин к толерантности в том понимании, которое сопровождает это понятие в обыденных трактовках.

Результаты второго этапа исследования привели к постановке следующего вопроса: «Чем может быть обусловлено возрастание *активной толерантности*?»

Есть основания предполагать, что это происходит с нарастанием социального опыта, с расширением картины мира и выработкой большего по разнообразию тезауруса социально-перцептивных эталонов и соответствующих им вариантов (моделей) поведения в общении.

Было проведено исследование, в котором ставилась задача выявить в ситуации оформляющегося решения о возможности *совместного бытия с другим* (выбор брачного партнера) степень готовности к вариации личностных черт избранника/избранницы.

Для этого сначала выяснялись ожидаемые (желаемые) качества будущего брачного партнера/партнерши. Затем

измерялся уровень допустимых, с точки зрения респондента, приемлемых отклонений от эталона.

В исследовании приняли участие 168 человек – студенты филологического и физического факультетов университета и курсанты военного училища. В качестве инструмента исследования использовался опросник 16 PF Кеттелла и биполярные оценочные шкалы, построенные на основе популярной интерпретации его первичных факторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе допустимых (с точки зрения субъекта ожидания) отклонений от ожидаемых характеристик партнера/партнерши выяснилось:

– у юношей-студентов вариации допустимого в психологическом портрете партнерши шире, чем у девушек, т.е. «диапазон приемлемости» возможных качеств партнерши шире (это можно трактовать как большую в сравнении с женской частью выборки толерантность);

– девушки-филологи характеризуются более жесткими установками в ожиданиях по сравнению с девушками-физиками; вероятное объяснение может быть связано с большим влиянием романтизированных образов литературы, а также с тем, что филологический факультет – «женский факультет», где реальные контакты со сверстниками-юношами минимизированы. Это сужает спектр социально-перцептивных образов возможных партнеров и соответствующих им моделей «обращения» в общении;

– у юношей-студентов «диапазон приемлемости» шире, чем у курсантов, что также можно объяснить недостаточностью контактов с девушками в связи со спецификой обучения в военном училище.

ВЫВОДЫ

На первый взгляд вывод о более выраженной толерантности у мужской части выборки вступает в противоречие с выводами, полученными в первом исследовании (вывод о меньшей склонности мужчин к принятию толерантного поведения). Но если исходить из предлагаемой дихотомии «активная толерантность – пассивная толерантность», это несовпадение результатов в двух исследованиях уже не воспринимается как противоречие. Большая активность, свойственная мужчинам, сыграла свою роль в выражении *различающегося отношения к различным типам толерантности* в зависимости от предполагаемой возможности сохранить активную позицию в выстраиваемых отношениях с партнером. Мужчины выражают свое неприятие толерантности, которая ассоциируется с необходимостью сдерживаться, не проявлять себя, свое отношение. Но в реальной практике выбора партнера по общению они оказались более толерантными. Может быть, это связано с предполагаемой молодым человеком доминантной позицией в семье, что не создает опасений по поводу невозможности самореализоваться.

Коротко представленные результаты проведенных исследований позволяют заключить - необходимо отделить истинную толерантность, сопряженную с активной жизненной позицией личности, с личностной зрелостью, с доверием к себе и к другому, с ориентацией на выстраивание со-бытия с партнерами, от суррогатных форм толерантности, порождающих конформизм, чувство отчуждения, пассивность, нечувствительность к инакости другого человека, т.е. безразличие к другому и игнорирование его психологического своеобразия.

Такая дифференциация не только дань научной дотошности, но прежде всего необходимость считаться с ней в практике нашего взаимодействия с другими.

Адресуясь к аудитории с призывами «быть толерантнее», надо понимать, каким содержанием слушатели наполняют это понятие и в каком наполнении готовы либо следовать призыву, либо противостоять ему.

В частности, хотелось бы, чтобы за словами политиков стояла корректно соотнесенная с этими словами психологическая реальность. Подчеркнем еще раз – различающаяся психологическая реальность, в зависимости от того, к какой аудитории мы обращаемся с призывами.

Иногда наша неспособность правильно рассмотреть эту психологическую реальность приводит к казусам. Приведу пример. Сейчас после недавно состоявшихся выборов в адрес проигравших партий звучит обоснованная критика многих ошибочных действий в ходе предвыборной кампании. Например, высказаны критические замечания по поводу рекламного образа, который тиражировался по каналам TV, представляя лидеров СПС летящими в самолете. Видимо, предполагалось возникновение у зрителей (потенциального электората) ассоциации со «скоростью преобразований», «постоянной поглощенностью, даже в пути, размышлениями лидеров партии над проблемами, решение которых продвинет нас вперед», «они наверху о нас неусыпно думают» и т.п. Но ассоциации скорее возникали иные: «оторванность от реальных проблем большинства», «ненадежность, так как они улетают...», «ненадежность, так как с самолетами часто возникают аварийные ситуации» и т.д.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ

СТАТИСТИЧЕСКОЕ
ОТРАЖЕНИЕ
ГЕНДЕРНЫХ
НЕРАВЕНСТВ
В СФЕРЕ ТРУДА

И. Н. Тартаковская,
О. А. Оберемко

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ НЕРАВЕНСТВ В СФЕРЕ ТРУДА

И. Н. Тартаковская, О. А. Оберемко

Советское общество было преимущественно матрилокальным, и хотя на женщинах – матерях и бабушках – часто лежала огромная трудовая и домашняя нагрузка, они при всей тяжести иных забот нередко стояли во главе семьи. Их нельзя представлять забытыми жертвами мужской эксплуатации, как не следует сравнивать степень их «угнетенности» с положением западных женщин. Речь просто идет о разных системах гендерных отношений.

Советские мужчины, как и их западные «братья по полу», монополизировали наиболее влиятельные и престижные социальные позиции, они всегда находились под пристальным вниманием государства и, как ни парадоксально, никогда не воспринимались в качестве носителей серьезной власти. Наоборот, часто во многих исследованиях возникает тема мужской *слабости*: респонденты обоего пола упоминали такие мужские качества, как женообразность, пьянство, безответственность, неумелость [2, с. 5–24].

Парадокс советских гендерных отношений заключался в том, что мужчины имели достаточно автономии, чтобы пить, утаивать зарплату, уклоняться от домашних обязанностей, и женщины оказались неспособны влиять на них в этом отношении даже при поддержке государства. Но эти же самые обстоятельства укрепляли позицию женщины внутри семьи и еще более ориентировали ее на независимость, правда, за счет очень сильного увеличения зоны ответственности и трудовой нагрузки.

Отсюда проистекает разница между советскими и западными женщинами, особенно западными феминистками: если для последних актуальна борьба против мужского господства, то наши женщины чаще всего жалуются на отсутствие «крепкого мужского плеча», домашним лидерством они уже сыты по горло.

Крах советской системы лишил россиянок институциональной поддержки. Можно было ожидать, что мужчины возьмут на себя традиционные «мужские» обязанности кормильцев, но произошло резкое падение зарплаты, особенно в традиционных мужских отраслях (тяжелая промышленность, угледобыча, металлургия, «оборонка»), из-за чего пострадали прежде всего мужчины, а женщин эта ситуация коснулась косвенно, но неотвратимо.

С одной стороны, несмотря на все тяготы работы («в две смены»), женщины отнюдь не спешат в массовом порядке становиться домохозяйками: для большинства из них работа является ценностью и важным элементом идентичности, они привыкли также не ограничивать круг своих интересов сферой дома. С другой стороны, образ мужчины-кормильца, мужчины-спонсора приобретает для женщин все большую притягательную силу, и здесь тоже большую роль играет кризис, ставящий под сомнение возможность поддерживать себя и ребенка за счет собственных доходов. Зарождается институт домохозяек, который содержит в се-

бе также много проблем, описанных в исследовании Е. Здравомысловой *

Кроме того, в гендерных исследованиях социального неравенства редко упоминают о более низкой возрастной границе трудоспособного (пенсионного) возраста для женщин, которая требует разумного объяснения. Нет достоверных данных о какой бы то ни было генетической (биологической) предрасположенности женщин к более раннему снижению трудовой, профессиональной, интеллектуальной, социальной и прочей активности [6]. Продолжительность жизни женщин в современных обществах превосходит продолжительность жизни мужчин, а в России эта разница стала катастрофической: среднестатистический мужчина перестал доживать до трудовой пенсии.

Правдоподобной выглядит гипотеза о том, что более низкая граница пенсионного возраста служит своеобразной защитой мужчин от женского давления на рынке элитных рабочих мест. Человек, сохраняющий в зрелом возрасте относительную физическую и интеллектуальную бодрость, достигает своего пика в профессиональной карьере: он обоснованно начинает претендовать на высокостатусные позиции линейного руководителя, эксперта или просто авторитетного работника. Поэтому вполне можно заподозрить, что неравная граница пенсионного возраста призвана увеличить шансы мужчин на карьерный взлет после 55 лет по сравнению со своими столь же опытными, профессиональными, авторитетными сверстницами.

Разумеется, это касается главным образом тех случаев, когда пенсия воспринимается как помеха для карьеры, а не как избавление от трудовой повинности.

Статистические данные позволяют предположить, что

---

* Юридическая неопределенность их статуса, отсутствие соответствующих образцов гендерной социализации, нередко – возрождение очень жестких патриархальных моделей отношений (см.: [1]).

при высокой ориентации на занятость в российском обществе, интенсивность «женского давления» на рынок труда примерно на 4–5 % ниже «мужского» (табл. 1).

Таблица 1

ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА ПО ПОЛУ, % [9, с. 134]

Год	Занятость	Безработица	Всего
Мужчины			
1992	82,2	5,1	87,3
2000	72,6	10,4	83,0
Женщины			
1992	77,5	5,1	82,6
2000	68,6	9,6	78,2

Общая доля занятых снизилась за 9 лет реформ на 9,2 %. У мужчин снижение составило 9,6 %, у женщин – 8,9 %; рост безработицы среди мужчин превысил аналогичные показатели женской безработицы. Примечательно, что разница между суммарными показателями занятых и заинтересованных в работе («всего») сохранилось на том же уровне: 4,7 % (87,3 – 82,6) в пользу мужчин в 1992 г. и 4,8 % – в 2000 г. Можно предположить, что среди женщин на 5 % чаще встречаются индивиды, которые и не заняты, и не интересуются занятостью.

Таким образом, с одной стороны, законодательно установленный пенсионный возраст может отвечать интересам той части женщин, которые ориентированы на традиционную модель женской занятости, и одновременно лишать другую часть шансов на карьерное продвижение.

Вообще к 2000 г. женщины перестали составлять большинство занятого населения (табл. 2).

Таблица 2

СРЕДНЕГОДОВАЯ ДОЛЯ ЖЕНЩИН, ЗАНЯТЫХ
В ЭКОНОМИКЕ, ПО ОТРАСЛЯМ, % *

Показатель	1970 г.	1990 г.	2000 г.	Δ А	Δ В
Всего в экономике	52	51	48	–	
Промышленность	49	48	38	–	--
Сельское хозяйство	44	39	35	–	--
Строительство	32	27	24	–	–
Транспорт	26	25	26	=	–
Связь	71	71	61	–	=
Торговля и общественное питание	79	80	62	--	++
ЖКХ, бытовое обслуживание населения	54	52	47	–	+
Здравоохранение, физическая культура, социальное обеспечение	87	83	81	–	+
Образование	77	79	80	=	+
Культура и искусство	64	71	69	+	=
Наука и научное обслуживание	48	53	50	=	–
Кредит, финансы, страхование	81	90	71	–	=
Управление	67	67	45	--	+

Δ А – положительный/отрицательный прирост доли женщин в отрасли; Δ В – положительный/отрицательный прирост доли занятых в отрасли в структуре занятости в целом за 1970–2000 гг.: ++ (--) – более (менее) 10 %, + (–) – от 2 до 10 %.

Несмотря на сохранение преимущественно «женских» профессий и отраслей, за последние десятилетия доля женщин увеличилась только в отрасли культуры и искусства, осталась на том же уровне на транспорте, в образовании и науке. Наиболее стремительное снижение доли занятых женщин с 1990 г. произошло в привлекательных отраслях: в управлении (– 22 %) и торговле (– 17 %).

* Таблица составлена по: [9, с. 141, табл. 6.6 и 6.7].

Примечательно, что в торговле снижение доли женщин произошло на фоне почти двукратного (по сравнению с 1991 г.) абсолютного (с 5 678 тыс. до 9 421 тыс. чел.) и относительного (с 7,6 до 14,6 %) увеличения занятых.

Данные табл. 3 показывают, что женщины продолжают сохранять численное превосходство (до ¾) среди специалистов высшей квалификации (кроме физических и инженерных наук – около 40 %). Еще более явно женщины преобладают (почти до 95 %) среди специалистов среднего уровня (кроме физических и инженерных направлений), а также среди служащих. На этом фоне отчетливо видно мужское господство в сфере управления.

Таблица 3

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ И ДОЛЯ ЖЕНЩИН, ЗАНЯТЫХ
В ЭКОНОМИКЕ ПО ЗАНЯТИЯМ *

Должности и отрасли	1998 г.		2000 г.		Δ
	N	% жен- щин	N	% жен- щин	
1	2	3	4	5	6
Руководители	3211	38,2	2646	35,2	–
<i>Специалисты высшего уровня квалификации</i>					
Физические и инженерные науки	2551	41,4	2794	38,0	–
Биологические, сельскохозяйственные, медицинские науки	1072	65,5	1339	65,1	=
Образование	2421	77,9	2617	76,3	=
Прочие	2563	73,3	3104	72,9	=
<i>Специалисты среднего уровня квалификации</i>					
Физические и инженерные направления	1978	40,5	1834	36,8	–
Естественные науки и здравоохранение	2199	93,5	2356	94,7	=
Образование	1391	88,1	1368	89,6	=

* Рассчитано по: [9, с. 144, табл. 6.9].

1	2	3	4	5	6
Финансово-административная, административная и социальная деятельность	3480	66,8	3950	65,5	=
Подготовка документации и учет	1254	89,1	1346	87,1	=
<i>Служащие</i>					
Сфера обслуживания	593	89,0	725	87,9	=
Сфера индивидуальных услуг	2714	58,9	3142	57,4	=
Торговля	3375	78,0	4082	80,2	=
<i>Высококвалифицированные рабочие</i>					
ЖКХ	509	24,2	501	24,4	=
Товарное сельское, лесное, рыбное хоз-ва	1529	48,1	3560	53,1	++
Горные и строительные работы	3347	13,4	3488	13,0	=
Металлообработка и машиностроение	3646	13,4	4235	14,1	=
Транспорт и связь	1276	28,7	1230	29,9	=
Водители и машинисты	6445	4,2	6839	4,2	=
Другие отрасли промышленности	1241	69,5	1701	69,3	=
<i>Неквалифицированные рабочие</i>					
Сфера обслуживания, торговля, ЖКХ	680	63,4	446	54,0	--
Сельское, лесное, рыбное и другие хоз-ва	1326	33,4	1195	36,5	+
Промышленность, строительство, транспорт	1224	33,8	1154	34,4	=
Общие для всех отраслей профессии	5658	57,7	5531	60,3	+

= – колебания до 2 %; + (-) – изменения от 2 до 5 %; ++ (-) – изменения от 5 %.

Среди квалифицированных рабочих в большинстве сфер по-прежнему преобладают мужчины.

Особое место занимают получившие бурное развитие предприятия рыночной ориентации, занятые товарным производством в сельском, лесном, рыбном хозяйстве. Общая численность занятых с 1998 г. увеличилась более чем в 2 раза; темпы роста численности женщин опередили аналогичные показатели у мужчин.

Значительная доля женщин занимается неквалифицированным трудом, несмотря на то, что занятые в экономике женщины более образованны, чем мужчины: профессиональное образование (от среднего до высшего) имеют 60,8 % женщин и лишь 49,4 % – мужчин.

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ И БЕЗРАБОТНЫХ
ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ В 2000 Г., % *

Образование	Мужчины		Женщины	
	Занятые	Безработные	Занятые	Безработные
Высшее профессиональное	19,8	8,6	23,7	14,1
Неполное высшее профессиональное	4,2	3,8	4,8	4,4
Среднее профессиональное	25,4	19,3	32,3	26,2
Среднее общее	38,5	47,3	30,0	43,7
Основное общее	9,9	17,2	7,3	10,4
Нет основного общего	2,2	3,5	1,8	1,1

На основании расчетов, сделанных по данным табл. 3 и 4, можно выдвинуть гипотезу о том, что в нижней части образовательной шкалы женщины при равном образовательном уровне с мужчинами имеют меньше шансов получить квалифицированную работу: в 2000 г. на 3 917 тыс. Неквалифицированных мужских рабочих мест приходилось 4 038,3 тыс. мужчин без законченного среднего образования, тогда как на 4 409 тыс. неквалифицированных женских рабочих мест приходилось всего 2 829,3 тыс. женщин без среднего образования. Это значит, что более 100 тыс. мужчин без среднего образования занимали более высокие должности, в то время как более 1,5 млн. женщин,

* Рассчитано по: [9, с. 145, 147, табл. 6.11, 6.15].

окончивших как минимум среднюю школу, были заняты неквалифицированным трудом.

Сгруппированные данные по занятиям дают возможность увидеть существенные гендерные диспропорции в структуре занятости: мужчины почти двукратно преобладают на руководящих постах и втрое – в рабочих профессиях. Женщины преобладают среди специалистов высокой и средней квалификации, а также среди неквалифицированных рабочих (табл. 5).

Таблица 5

ЧИСЛЕННОСТЬ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ЗАНЯТЫХ
В ЭКОНОМИКЕ, ПО ГРУППАМ ЗАНЯТИЙ, ТЫС. ЧЕЛ. *

Должность	Мужчины	Женщины
Руководители	1715	931
Специалисты высшей квалификации	3662	6192
Специалисты средней квалификации	2963	7891
Служащие	2232	5714
Рабочие	18124	5891
Неквалифицированные рабочие	3917	4409

Вернемся к табл. 4. Отсутствие профессионального образования существенно затрудняет поиск работы, особенно мужчинам. В то же время мужчины, имеющие профессиональное образование, реже, чем женщины, остаются без работы: если среди мужчин лица с профессиональным образованием занимают чуть менее трети (31,7 %) безработных, то образованные женщины составляют почти половину (44,7 %) ищущих работу. И это при том, что российские женщины имеют более высокий уровень образования.

Кроме того, с 1992 г. наблюдается устойчивая гендерная асимметрия в причинах увольнения: мужчины чаще увольняются по собственному желанию, тогда как женщины ча-

* Рассчитано по [9, с. 144, табл. 6.9].

ще оказываются безработными в результате сокращения штатов и ликвидации предприятий [9, с. 147, табл. 6.16]. Та же асимметрия наблюдается в данных о продолжительности поиска работы: мужчины находят работу быстрее; в 1999–2000 гг. доля женщин, ищущих работу более 1 года, превышала аналогичные мужские показатели на 8–9 % и в 2000 г. достигла 47 % (против 38 % у мужчин) [9, с. 148, табл. 6.18].

Сказанное побуждает к поиску селективных факторов на рынке труда, которые образуют механизмы производства гендерного неравенства. Следствием этих селективных механизмов является тот факт, что во всех отраслях хозяйства женщины по размеру заработка «не дотягивают» до мужчин в силу многих причин: различий в квалификации, неполной занятости, длительных отпусков при рождении ребенка. Это убедительно демонстрирует табл. 6.

Таблица 6

ОТНОШЕНИЕ СРЕДНЕМЕСЯЧНОЙ НОМИНАЛЬНОЙ НАЧИСЛЕННОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЖЕНЩИН К ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ МУЖЧИН В 1999 Г. ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ, %
[4, с. 65–67].

Отрасли экономики	Отношение
Промышленность	64
Электроэнергетика	79
Легкая промышленность	83
Образование	78
Наука и научное обслуживание	68
Связь	62
Финансы, кредит, страхование	70
Управление	80
Жилищно-коммунальное хозяйство	76
В целом по экономике	65

Более того, реальная оплата труда женщин различается даже в том случае, если они имеют одинаковую с мужчинами профессию и одну и ту же должность (табл. 7).

Таблица 7

ОТНОШЕНИЕ СРЕДНЕМЕСЯЧНОЙ НОМИНАЛЬНОЙ
НАЧИСЛЕННОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ЖЕНЩИН
К ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ МУЖЧИН ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРОФЕССИЯМ
И ДОЛЖНОСТЯМ ЗА ОКТЯБРЬ 1999 Г., % [4, с. 68, 69]

Профессия, должность	Отношение
Оператор технологических установок	78
Аппаратчик нефтехимических производств	80
Бортпроводник	86
Маляр	91
Штукатур	88
Врач	82
Преподаватель, учитель	99,7

Чтобы лучше себе представить вертикальную сегрегацию по полу при формальном равенстве прав и возможностей мужчин и женщин (иногда этот феномен называют «стеклянный потолок»), рассмотрим, как выглядит разница в их профессиональной подготовке (табл. 8) [4, с. 44].

Несмотря на то что число женщин, получающих высшее образование, значительно выше, чем число мужчин, шансов получения ученой степени больше именно у мужчин: при переходе к стадии аспирантуры их доля начинает преобладать. Как это сказывается потом на реальной карьере? Возьмем для примера такую, казалось бы, гендерно нейтральную профессиональную сферу, как преподавание в высшей школе. Среди преподавателей и ассистентов женщин 67%, мужчин – 33, в составе профессоров – соответственно 19 и 81, среди заведующих кафедрами 78% мужчин, в ректорском корпусе 95% [4, с. 55].

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ПОЛУ ОБУЧАВШИХСЯ ПО ВИДАМ
ОБУЧЕНИЯ НА НАЧАЛО 1999/2000 УЧЕБНОГО ГОДА, %

Виды обучения	Женщины	Мужчины
Общеобразовательные учреждения	50	50
Средние специальные учебные заведения	55	45
Высшие учебные заведения	56	44
Аспирантура	43	57
Докторантура	36	64
<i>Всего</i>	50,6	49,4

Экономический гендерный дисбаланс в советский период частично сглаживался «раздаточным» характером экономики (доступ к жилью, практически бесплатное дошкольное воспитание, возможности отдыха, лечения и т.п.).

Деградация социальной сферы особенно болезненно ударила по самым экономически незащищенным слоям населения: пенсионерам (среди которых женщины преобладают), матерям с маленькими детьми, не имеющим возможности работать и в какой-то мере женщинам в целом (из-за того, что их экономические ресурсы более ограничены, чем у мужчин, из-за существующей вертикальной и горизонтальной сегрегации).

В определенной степени эта ситуация стимулировала женскую экономическую активность. Как отмечают А. Темкина и А. Роткирх [12], экономическая нестабильность привела к тому, что женщина часто становится кормильцем семьи, иногда единственным (например, если муж работает на депрессивном предприятии и по несколько месяцев не получает зарплату). Иногда она вынуждена работать на нескольких работах. Ярким показателем такой женской активности стал феномен «челночной» торговли: основная масса челноков – это женщины (по различным данным, они составляют здесь от 72 до

85 %) [3; 5; 7]. Именно женщины, оказавшись в ситуации экономической депривации, проявили большую готовность расстаться со своей профессией, понизить свой статус и пополнить ряды торговцев на улицах и вещевых рынках.

У большинства женщин существует более широкая база идентичности, чем только профессиональная – прежде всего связанная со сферой семьи. Мужчины же, особенно имевшие опыт *советской социализации*, привыкли быть в каком-то смысле «исключенными» из семьи. Если мужская позиция в общественной сфере зависела от выполняемой работы, то уважение в семье достигалось преимущественно через выполнение роли основного кормильца. Эта ситуация сохраняется и в постсоветскую эпоху [10]. Однако существенная разница заключается в том, что в советское время роль кормильца была более или менее обусловлена профессиональным статусом. В переходный же период возникло серьезное противоречие в содержании двух этих ролей: типично «мужские» отрасли оказались разорены экономическими реформами. Проведенные в последние годы исследования показали, что результатом оказывается *неконсистентность* социального статуса мужчин и сильная фрустрация [8; 11].

Трансформационные процессы создали ситуацию «гендерного кризиса» не только для женщин, лишившихся государственной поддержки, но и для многих мужчин, теряющих основы для утверждения позитивной идентичности. Одним из признаков этого «гендерного давления» может служить высокий уровень алкоголизма и сокращение продолжительности жизни: если в 1989 г. ожидаемая средняя продолжительность жизни мужчин была 64 года, то к 1999 г. она сократилась до 60 лет и достигла 12-летней разницы с женщинами (72 года) [4, с. 21].

Сфера власти. Под властью мы понимаем любые властные отношения – в данном случае между мужчинами и

женщинами. Организация публичной власти в России предполагает безусловное преобладание мужчин на всех ее высших уровнях, включая законодательную (табл. 9 [4, с. 102, 103]).

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ПОЛУ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ СОЗЫВА 2000–2003 Г. НА 21.02.2000, ЧЕЛ.

Фракции и депутатские группы	Всего	Женщины	Мужчины
КПРФ	90	8	81
Единство	82	7	75
Отечество – вся Россия	44	4	40
Союз Правых Сил	31	4	27
Яблоко	20	2	18
ЛДПР	17	–	17
Группа «Народный депутат»	56	3	53
Агропромышленная группа	41	3	38
«Регионы России»	40	3	37
Депутаты, не состоящие в объединениях	19	–	19
<i>Всего</i>	439	34	405

Возрастающая роль военных и силовых структур еще более маскулинизирует имидж российской государственности.

Что же касается сферы приватной, то центральную роль в ней играет организация семейной жизни. Каждая семья имеет свой гендерный режим. Важным ресурсом служит наличие свободного времени и, соответственно, распределение объема домашней работы и ответственности за поддержание домохозяйства. В табл. 10 и 11 представлены результаты измерения бюджетов времени городского и

сельского населения обоих полов*. Они отражают динамику изменения затрат времени мужчин и женщин на тот или иной вид деятельности, начиная с 1970-х гг.

Таблица 10

ИЗМЕНЕНИЕ БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ Г. РУБЦОВСКА В 1972–1990 ГГ. (МАРТ), ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ

Вид деятельности (затрата времени)	Мужчины			Женщины		
	1990 г.	Разница		1990 г.	Разница	
		1990 г. с 1980 г.	1980 г. с 1972 г.		1990 г. с 1980 г.	1980 г. с 1972 г.
Рабочее время	43,7	+0,9	-1,3	40,1	-1,3	-1,9
Вне рабочее время, связанное с работой	6,6	-0,3	-0,5	5,5	0,0	-0,5
Домашний труд	10,4	-1,5	+3,1	27,0	+1,1	-1,2
Труд в подсобном хозяйстве	1,4	+0,9	+0,4	0,4	+0,3	0,0
Уход за детьми и занятия с ними	3,9	-1,9	+1,6	6,5	+0,2	+1,3
В том числе занятия с детьми	2,7	-1,5	+1,1	3,2	0,0	+0,9
Сон, еда, уход за собой	68,5	+1,3	-0,3	67,8	+2,6	+1,0
В том числе сон	53,6	-0,6	-1,3	53,0	+0,7	-0,3
Свободное время	33,3	+0,6	-3,2	20,5	-2,9	+1,4
В том числе:						
учеба и самообразование	0,5	-1,4	-1,9	0,3	-0,6	-0,4
зрелища	1,8	-0,6	-0,5	1,0	-1,5	-0,1
чтение	5,4	-1,1	+0,6	3,3	-0,5	+1,2
просмотр телепередач	14,5	+3,0	+2,5	9,7	+1,2	+2,7
физкультура и спорт	0,8	-0,1	0,0	0,3	-0,2	-0,1
прочие затраты	0,2	0,0	+0,1	0,2	0,0	-0,1
Общая трудовая нагрузка (включая уход за детьми)	63,3	-0,4	+2,3	76,3	+0,3	-3,2
Свободное время (включая занятия с детьми)	36,0	-0,9	-2,1	23,7	-2,9	+2,3

* Измерение было проведено группой исследователей из Новосибирска в небольшом городе Рубцовск (Алтайский край) и в нескольких селах Новосибирской области [1, с. 578–580].

Таблица 11

**ИЗМЕНЕНИЕ БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ РАБОТНИКОВ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗА 1975–1994 ГГ., ЧАСОВ
В СРЕДНЕСЕЗОННУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ**

Вид деятельности (затрата времени)	Мужчины			Женщины		
	1993/4	1993/4 к 1986/7	1986/7 к 1975/6	1993/4	1993/4 к 1986/7	1986/7 к 1975/6
Рабочее время	54,7	-5,4	-0,3	40,1	-5,0	-3,0
Внерабочее время, связанное с работой	4,3	-0,2	+0,7	5,5	-0,6	+1,0
Домашний труд и посещение учреждений обслуживания	3,6	+0,6	-1,0	24,8	+0,6	+3,4
Труд в подсобном хозяйстве	16,3	+0,9	+5,6	19,8	+0,9	-0,7
Уход за детьми и занятия с ними	1,5	-0,2	+0,5	3,6	+0,9	-0,7
В том числе занятия с детьми	1,4	+0,4	+0,4	1,3	+0,5	-0,2
Сон, еда, уход за собой	62,3	+1,4	-5,4	58,7	+0,2	-0,6
В том числе сон	49,0	+0,1	-6,6	47,1	+0,2	-2,2
Свободное время	23,2	+1,3	-0,1	14,4	+2,7	-2,2
В том числе:						
просмотр телепередач	11,7	+2,3	+4,7	6,2	+0,7	+0,8
посещение, прием гостей	3,9	+1,1	-1,7	4,1	+1,9	-0,5
Прочие затраты	2,1	+1,6	0,0	1,1	+0,3	0,0
<i>Общая трудовая нагрузка (включая уход за детьми)</i>	79,0	-4,7	+5,1	92,5	-3,7	3,0
<i>Свободное время (включая занятия с детьми)</i>	24,6	+1,7	+0,3	15,7	+3,2	-2,4

Разница в объеме свободного времени в пользу мужчин составляет 12,3 часа в неделю для горожан и 8,9 ч для селян. Напротив, занятость домашним трудом у городских женщин на 16,6 ч в неделю больше, чем у мужчин, а у сельских женщин эта разница достигает 21,2 ч в неделю (почти сутки). Анализ динамики изменения временных затрат по сравнению с советским периодом показывает, что это соотношение в целом остается вполне устойчивым. Охватившие страну трансформационные процессы очень мало затронули соотношение трудовых затрат внутри семьи. На наш взгляд, это позволяет судить и о том, что соотношение власти внутри семьи осталось таким же асимметричным, как и в период советского «бесполого сексизма».

Разумеется, эту власть нельзя понимать упрощенно: женщины затрачивают больше сил на домашний труд не только и не столько потому, что этого хотят их мужья. Напротив, их высокая вовлеченность в домашнее хозяйство позволяет им сохранять над этой сферой определенный контроль, которого лишены мужчины, но это не меняет сути проблемы: очень многие формы власти подразумевают высокую взаимную зависимость. Наличие такой взаимозависимости не означает, однако, выравнивания баланса распределения власти и сглаживания гендерной асимметрии: напротив, явная перегрузка женщин, работающих «в две смены», и практическое исключение мужчин из семейной сферы, заставляющее их связывать свою идентичность и самооценку только с профессиональной деятельностью, поддерживает ситуацию гендерного напряжения и взаимного недовольства.

Библиографический список

1. *Артемов В.А.* Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970–1990-е годы // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999.
2. *Ашвин С.* Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. 2001. № 16–17.
3. *Барсукова С.Ю.* Женское предпринимательство // Социс. 1999. № 9.
4. Женщины и мужчины России. М.: Госкомстат России, 2000.
5. *Ильин В.И., Ильина М.А.* Торговцы городского рынка: штрихи к социальному портрету // ЭКО. 1998. № 5.
6. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
7. *Кандиоти Д.* Пол в неформальной экономике: проблемы и направления анализа // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. М. Шанина. М.: Логос, 1999.
8. *Мещеркина Е.* Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(Н)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: НЛО, 2002.
9. Российский статистический ежегодник, 2001. М.: Госкомстат РФ, 2002.
10. *Ashwin S.* Male Social Exclusion in Contemporary Russia. Paper presented to the 5th ESA Conference. Helsinki, August-September 2001.
11. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. S. Ashwin.* L.: Routledge, 2000.
12. *Rotkirch A., Temkina A.* Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // *Idantutkimus*. 1997. № 4.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
МАСТЕРСКАЯ

ИЗМЕРЕНИЕ
СПОСОБОВ
ПОВЕДЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ
ПОСЛЕ ПОТЕРИ
РАБОТЫ

А. Н. Дёмин

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
ВОСПРИЯТИЯ ЦВЕТА
В УСЛОВИЯХ
КОМБИНИРОВАННОГО
ОСВЕЩЕНИЯ

Ю. В. Коробко

ИЗМЕРЕНИЕ СПОСОБОВ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОСЛЕ ПОТЕРИ РАБОТЫ

А. Н. Дёмин

Потеря работы относится к трудным жизненным ситуациям. Независимо от того, как человек относится к безработице, она требует от него совладающего поведения [10]. Ввиду дефицита исследований специфических способов совладания с потерей работы [11; 12] это направление представляет как прагматический, так и теоретический интерес и может обогатить общие представления о социальной адаптации.

Действия безработных отличаются разной социальной направленностью и персональной эффективностью, поэтому, с нашей точки зрения, не всякую активность в трудной ситуации можно отнести к совладающему поведению [3]. Ставя цель разработать инструмент измерения различных способов поведения, мы учитывали широкий спектр индивидуальных действий в условиях безработицы.

В статье представлены результаты разработки опросника, направленного на измерение способов поведения личности после потери работы *.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования РФ (грант Г02-1.7-399).

При создании диагностических средств, измеряющих преодоление стрессовых ситуаций, необходимо соотносить полученные в предварительно собранных описаниях общие и специфические категории, гипотетические сценарии и реальные жизненные события, личностные диспозиции и процессы [14]. Адекватным решением считается разработка инструментария разного уровня общности. В нашем случае необходимо было учесть специфику ситуации безработицы по сравнению с другими трудными жизненными ситуациями. В зарубежной литературе предлагаются соответствующие методики [9; 11 и др.]. В отечественной психологии такие методики нам не известны.

На первом этапе разработки опросника были сформулированы 33 суждения о мыслях, состояниях, способах поведения личности после потери работы. Использовались полученные ранее эмпирические данные о содержании индивидуальных проектов занятости безработных, способах решения ими проблем и маршрутах поведения в сфере занятости [2; 4]. Тем самым удалось учесть социокультурную специфику безработицы, обусловленную особенностями российского рынка труда и российской экономической ментальности. В список также были включены 2 суждения из опросника Ч. Карвера (COPE Inventory, 1989) об использовании юмора и алкоголя при совладании с трудной ситуацией.

На втором этапе были опрошены 175 безработных (42 % мужчин, средний возраст респондентов – 39 лет, средний срок безработицы – 5,1 месяцев). Их просили ответить, как часто в данный период жизни у них бывают те или иные мысли, состояния, способы поведения (использовалась 4-балльная шкала).

На третьем этапе собранный массив эмпирических данных был подвергнут факторному анализу, что позволило уточнить теоретически ожидаемые шкалы:

- 1) продуманный поиск работы;
- 2) расширение социальных связей;
- 3) ориентация на получение пособия;
- 4) ориентация на самозанятость и общественную деятельность (альтернативная активность);
- 5) затруднённый поиск работы;
- 6) гедонистическая ориентация.

Эти способы поведения упоминаются другими исследователями в качестве стратегий и форм поведения безработных [6; 11; 15], что свидетельствует о надёжности их выделения. Способы дополняют друг друга и могут присутствовать в поведении одного и того же человека. В данном аспекте они похожи на совладающее поведение вообще и совладание с потерей работы в частности [5; 11; 13].

Для каждой шкалы вычислялись: а) показатели внутренней надёжности; б) корреляции отдельных суждений с общим показателем по шкале (во всех случаях они оказались значимыми с вероятностью ошибки не выше 0,001) (табл. 1).

Таблица 1

РАЗМЕР И ПОКАЗАТЕЛИ ВНУТРЕННЕЙ НАДЁЖНОСТИ ШКАЛ

Наименование шкалы	Количество пунктов	Значение коэффициента а-Кронбаха
Продуманный поиск работы	6	0,70
Расширение социальных связей	3	0,66
Альтернативная активность	3	0,57
Ориентация на пособие	4	0,54
Гедонистическая ориентация	3	0,48
Затруднённый поиск работы	3	0,47

Шкалы гедонистической ориентации и затруднённого поиска работы было решено не включать в состав опросника из-за невысокого показателя их внутренней надёжно-

сти. Небольшой размер оставшихся шкал не должен смущать, поскольку речь идёт о ситуационном опроснике. За рубежом авторы публикуют инструментарий с аналогичными параметрами [11].

На четвёртом этапе определялась ретестовая надёжность окончательных версий шкал. Для этого с интервалом 4 недели были опрошены 22 безработных. В табл. 2 приведены соответствующие показатели.

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛИ РЕТЕСТОВОЙ НАДЁЖНОСТИ ШКАЛ

Наименование шкалы	Значение коэффициента корреляции Пирсона	Уровень значимости коэффициента корреляции
Продуманный поиск работы	0,668	0,0010
Расширение социальных связей	0,617	0,0020
Альтернативная активность	0,755	0,0001
Ориентация на пособие	0,775	0,0001

На пятом и шестом этапах проверялась критериальная и конструктивная валидность опросника. Было выдвинуто предположение, что его показатели должны варьировать в зависимости от результата адаптации безработных и в зависимости от их социально-возрастного статуса. В первом случае сравнивались безработные, которые смогли трудоустроиться ($n = 23$, их данные на предыдущих этапах не использовались), и безработные, которым не удалось этого сделать ($n = 37$). Во втором случае сравнивались взрослые безработные, которые не смогли трудоустроиться ($n = 37$), и выпускники вуза, ставшие безработными после окончания учёбы ($n = 28$, их данные на предыдущих этапах не использовались). В табл. 3 приведены соответствующие результаты.

Все четыре шкалы подтвердили свою критериальную валидность. Два результата нуждаются в комментариях. Первый – отсутствие различий по шкале продуманного поиска между успешными и неуспешными безработными – можно объяснить тем, что трудоустроившиеся вспоминали ситуацию безработицы, а не переживали её в момент опроса. Поскольку шкала включает чувствительные к жизненным обстоятельствам рефлексивные и мотивационные компоненты, вероятность искажения велика.

Таблица 3

СПОСОБЫ ПОВЕДЕНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РЕЗУЛЬТАТА АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ВОЗРАСТНОГО СТАТУСА, СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПО ШКАЛАМ

Способ поведения	Показатели безработных, которые смогли трудоустроиться	Показатели безработных, которые не смогли трудоустроиться	Показатели выпускников вуза, которые стали безработными
Продуманный поиск работы	15,96	16,57*	18,25
Расширение социальных связей	5,73	6,92**	7,82
Альтернативная активность	3,95	3,59****	4,61
Ориентация на пособие	8,96	9,03***	7,71

* – различие с показателем выпускников, которые стали безработными, значимо при $p = 0,047$.

** – различие с показателем безработных, которые смогли трудоустроиться, значимо при $p = 0,04$.

*** – различие с показателем выпускников, которые стали безработными, значимо при $p = 0,03$.

**** – различие с показателем выпускников, которые стали безработными, значимо при $p = 0,005$.

Второй парадоксальный результат состоит в том, что безработные, которые не смогли трудоустроиться, искали новые социальные связи гораздо активнее, чем те, кто трудоустроился. По-видимому, данный результат отражает специфику адаптации в ситуации безработицы. Он хорошо согласуется с динамикой ожидаемой помощи у неуспешных безработных (для измерения данной характеристики использовался опросник SSQSR И. Сарасона с соавторами). Показатели ожидаемой помощи растут по мере «застревания» в безработице, отражая дефицит социальных ресурсов у данной категории людей и компенсаторный характер их поведения в трудной ситуации. В данном случае проверка критериальной валидности позволяет одновременно убедиться в конструктивной валидности шкалы «расширение социальных связей» (о такой возможности см. [1]).

При проверке конструктивной валидности шкал «продуманный поиск работы» и «альтернативная активность» было выдвинуто предположение, что их показатели связаны с общей самооффективностью личности, т.е. убеждением в своей способности решать проблемы (использовалась шкала Р. Шварцера и М. Ерусалема [8]). Вычислялись коэффициенты корреляции на выборке, включавшей взрослых безработных и безработных выпускников ($n = 58$). Оказалось, что продуманный поиск работы и альтернативная активность значимо коррелируют с уровнем общей самооффективности ($p = 0,002$ и $p = 0,016$ соответственно), т.е. гипотеза подтвердилась.

Сравнительный анализ разных групп безработных побудил нас включить в опросник ещё три пункта, которые не вошли ни в одну из шкал, но их значения существенно дифференцируют опрошенных (табл. 4).

Результаты, представленные в табл. 4, теоретически объяснимы, согласуются с ранее полученными эмпири-

ческими результатами и теоретическими обобщениями [2, 7, 12], т.е. валидны и позволяют более глубоко изучать активность личности в ситуации безработицы.

Таблица 4

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПОВЕДЕНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ,
СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Способы поведения	Показатели безработных, которые смогли трудоустроиться	Показатели безработных, которые не смогли трудоустроиться	Показатели выпускников вуза, которые стали безработными
Желание работать только по своей специальности	2,14	2,65*	2,39
Мысли о том, что нужно зарабатывать любым способом, чтобы иметь хоть какой-то доход	2,23	3,05**	2,25
Получение помощи и услуг со стороны родственников в таком объёме, что они позволяли справиться с проблемами	2,18	2,14***	3,14

* – различие с показателем безработных, которые смогли трудоустроиться, значимо при $p = 0,07$.

** – различие с показателем безработных, которые смогли трудоустроиться, значимо при $p = 0,004$, а с показателем безработных выпускников – при $p = 0,002$.

*** – различие с показателем безработных выпускников значимо при $p = 0,0003$.

Таким образом, в исследовательской работе может быть использована версия опросника, включающая 19 пунктов. В дальнейшем важно рассмотреть вопрос об увеличении

надежности двух шкал (альтернативная активность, ориентация на пособие), получении информации о конструктивной валидности шкалы «ориентация на пособие» и эмпирической (прагматической) валидности опросника в целом.

Основные сферы применения опросника – психологическое и социальное профилирование на рынке труда, профессиональная ориентация, переориентация и психологическая поддержка незанятого населения.

Библиографический список

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев: Наукова думка, 1989.
2. Дёмин А.Н. Безработные члены домохозяйств в поисках новой занятости // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. проф. Р. М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
3. Дёмин А.Н. Использование понятия «совладание» в психологии // Человек. Сообщество. Управление. 2001. № 2.
4. Дёмин А.Н., Попова И.П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социс. 2000. № 5.
5. Леана К., Фельдман Д. Как справиться с потерей работы. М.: Нива России, 1995.
6. Михайлова Н.Б. Опыт психологического исследования ситуации безработицы // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6.
7. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН. 1999.
8. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7.
9. Eby L.T., Buch K. Job Loss as Career Growth: Responses to Involuntary Career Transitions // Career Development Quarterly. 1995. Vol. 44. № 1.
10. Hanisch K.A. Job Loss and Unemployment Research from 1994 to 1998: a Review and Recommendations for Research and Intervention // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55. № 2.
11. Kinicki A.J., Latack J.C. Explication of the Construct of Coping with Involuntary Job Loss // Journal of Vocational Behavior. 1990. Vol. 36. № 2.
12. Latack J.C., Kinicki A.J., Prussia G.E. An Integrative Process Model of Coping with Job Loss // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. № 2.
13. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. N.Y.: Springer, 1984.
14. Schwarzer R., Schwarzer C. A Critical Survey of Coping Instruments // Handbook of Coping: Theory, Research, Applications / Ed. by M. Zeidner and N.S. Endler. N.Y.: John Wiley & Sons, 1996.
15. Rook K., Dooley D., Catalano R. Age Differences in Workers' Efforts to Cope with Economic Distress // The Social Context of Coping / Ed. by J. Eckenrode. N.Y.: Plenum Press, 1991.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦВЕТА В УСЛОВИЯХ КОМБИНИРОВАННОГО ОСВЕЩЕНИЯ

Ю. В. Коробко

Комбинируемое освещение создает предпосылки для «раскрепощения» глаза для восприятия изменения цвета предметов, поэтому оно часто и целенаправленно используется художниками-педагогами в постановке глаза учащихся на живописное восприятие цвета. Простейший пример: мы смотрим на сумерки уходящего дня из окна освещенной электрической лампой комнаты и видим синеву вечернего пейзажа, которая «исчезает», когда мы выходим на улицу.

Условия комбинируемого освещения постоянно сопровождают живописца при работе с натуры, и именно с позиций живописной практики мы исследуем восприятие цвета. При всей очевидности возникновения цветовых эффектов в процессе адаптации зрения, эта область, представляющая как теоретический, так и практический интерес, слабо изучена; поэтому цветовые эффекты прогнозируются лишь на основе опыта и интуиции. В своем анализе мы будем принимать во внимание как яркость (светлоту) освещения, так и его цветность (цветовой оттенок).

Зафиксированные в литературе положения теоретиков иногда расходятся с практическим опытом живописцев. Например, утверждение о том, что «при свете ламп желтые краски трудно различимы. При дневном свете законченная работа может иметь излишнюю желтизну» [3, с. 46] противоречит опыту живописи с натуры, в частности И.Э. Грабаря. Для усиления теплых оттенков в цветовом строе картины «Февральская лазурь» художник подставлял во время работы холст голубому рефлексу неба. Очевидно, что живописное изображение «при свете ламп» и голубом

рефлексе неба не может иметь одинаковый результат, т.е. одинаковый общий цветовой оттенок цветового строя. Отметим, что оценка результата живописной работы традиционно делается при нейтральном дневном свете, как при экспонировании работы в выставочных залах. Работая при цветном освещении, живописцу приходится считаться с тем, что на выставке колорит его работы будет смотреться иначе. Прием И. Грабаря можно рассматривать как опыт целенаправленного использования условий комбинированного освещения, в котором художник сумел предвидеть возникающие колористические эффекты.

Существуют и другие примеры, прямо относящиеся к экспериментальному исследованию живописных эффектов света, зафиксированных в произведениях художников. Так, Ю.К. Золотов, разбирая использование Жоржем Де Ла Туrom эффектов искусственного освещения, пишет: «В связи с этим стоит упомянуть об эксперименте современного нам художника, которого Фабиус, прежний владелец „Скорбящей Магдалины“ (Вашингтон, Национальная художественная галерея), попросил написать пейзаж ночью, при таком же светильнике, какой стоит рядом с Магдалиной. Пейзаж был написан, и наутро коллекционер и художник увидели на нем краски Ла Тура. Париже замечает, что на картинах люневильца редок зеленый цвет, трудно отличимый от синего при искусственном свете. Поэтому он вполне убежден, что Ла Тур писал ночью» [3, с. 90].

Из приведенных примеров очевидно, что комбинированное освещение в живописи приходится рассматривать как совокупность трех факторов:

- освещения природы (объекта наблюдения);
- освещения рабочего места и его атрибутов (условий наблюдения и фиксации его результатов);
- освещения экспонирования результатов работы (освещения выставочного зала).

Возникающие в условиях комбинированного освещения цветовые изменения предметной окраски редко содержат для обыденной жизни практический смысл, поэтому они редко обращают на себя внимание, а глаз не имеет потребности учиться их замечать. Вероятно, по этой же причине практически отсутствуют детальные исследования в психологии зрительного восприятия цвета, исследования, которыми мог бы руководствоваться художник в живописи с натуры. Между тем известно, что в разнообразии форм взаимосвязи явления с внешними факторами наглядно раскрывается его суть, поэтому исследования восприятия цвета, опирающиеся на потребности и опыт живописной практики, могут пробудить интерес и к более широкому изучению.

Обычно цвет в живописных полотнах, отличающийся от привычной окраски предметов, рассматривается как следствие творческого замысла художника. При этом остается за рамками внимания «живописная кухня» – условия, в которых писалась работа, и использованные автором приемы постановки глаза на живописное видение цвета натуры. Такой подход, вероятно, оправдан для направлений живописи, допускающих произвол над природой, но не для реалистической живописи.

Восприятие цвета, тем более художником, всегда субъективно, однако методика обучения живописной постановке глаза вырабатывала практические приемы так называемого проверочного рисования, активно внедрявшиеся в педагогическую практику профессором П. П. Чистяковым еще в Императорской академии художеств [6, с. 14]. Это были приемы, позволяющие проверить адекватность рисунка и воспроизводимого на палитре цвета зрительному образу натуры.

Общепринятое суждение о том, что краски палитры художника не соответствуют диапазону красок натуры (а

значит, прямое соответствие красок природы и изображения принципиально невозможно), не охватывает принципиально важного для практики живописи обстоятельства: когда художник смотрит на природу, происходит темновая и цветовая адаптация глаза. Этот процесс осуществляется совершенно иначе, чем адаптация зрения в обыденной практике. Различие состоит в том, что глаз художника смотрит на природу через холст (после холста). Освещенность последнего крайне редко совпадает с освещенностью изображаемого объекта. Достаточно привести типичный пример: освещенный солнцем пейзаж живописец всегда пишет (и наблюдает) из тени своего этюдного зонтика или естественного затенения любого другого рода. При этом холст, на котором подолгу сосредоточен взгляд, никогда не бывает освещен прямыми лучами солнца. Во всяком случае, этому учат азы изобразительной грамоты. Очевидно, что в основе световой адаптации зрения лежит уровень освещенности холста, а не природы.

Если в таких условиях смотреть на изображаемый мотив мимолетным взглядом (как провозглашали импрессионисты), т.е. быстро сохранится настрой глаза на более темные условия и зрительный образ пейзажа станет ярким, в нем не будет места темным краскам. Таким образом, уровень адаптации глаза сужает диапазон воспринимаемых цветов, их светлоты, цветовых оттенков и уровня спектральной насыщенности цветов.

Еще раз подчеркнем, что именно освещенность холста задает диапазон световой адаптации глаза живописца, поэтому наблюдения художника можно считать «лабораторными», особенно, если учитывать его стремление к постоянству освещения холста, где бы (в мастерской или на пленэре) он над ним ни работал. Это стремление и выработанные многовековой живописной практикой методы его реализации являются большей частью вынужденными, по-

скольку автору еще во время работы над своим произведением приходится прогнозировать, как будут выглядеть краски на холсте во время экспонирования работы, т.е. в условиях освещения выставочного зала. Об обманчивой природе цвета в различных условиях освещения предупреждал ремесленников еще Аристотель: «...например, пурпур выглядит совершенно по-разному на белой или черной шерсти, а также при том или ином освещении. Поэтому вышивальщицы и говорят, что, работая при светильнике, они часто ошибаются в расцветках, принимая одни цвета за другие» [1, с. 148].

В выставочных залах и художественных галереях присутствует рассеянный дневной свет средней яркости или имитирующее его искусственное «белое» освещение, которое у профессиональных экспозиционеров живописи принято считать стандартным. Привести в прямое соответствие условия освещения выставочных залов и своих мастерских всегда стремились художники, внимательно относившиеся к тому, чтобы донести без потерь свой колористический замысел до зрителя. В подтверждение можно привести пример сопроводительных записок И. Е. Репина, И. И. Левитана и других мастеров живописи в адрес устроителей выставок, в которых высказывались пожелания не только определенной удаленности их картины от окна, но даже направления (справа или слева) света. При этом художники ссылались на соответствующую расположенность холста при работе в мастерской: «...просил бы иметь в виду, что они писаны не в сильном свете, и потому мне кажется, что их выгоднее было бы поставить не в сильный свет и никак уже не у окон» [5, с. 33].

Таким образом, в академических условиях уровень световой адаптации глаза живописца, настроенный на освещенность холста, относительно постоянен, а уровень и цветовой характер освещения природы может быть бес-

конечно разнообразным. Мы исходим из академических требований, как своего рода канона живописной практики, понимая классику, вслед за И. Стравинским, как «торжество порядка над произволом».

В этих условиях освещение практически всегда носит комбинированный характер, т.е. освещение предметов, составляющих объект изображения, и освещение зоны их наблюдателя (художника) различаются. Совпадение этих условий носит частный характер и, если выстраивается целенаправленно, то служит организации наиболее благоприятных условий для тонкого цветоразличения. Так, в частности, советовал организовывать свою работу в мастерской В.Д. Поленов, когда требовалась детальная проработка цветового строя этюда с натуры. Однако Н.П. Крымов, ставя перед учениками задачу передавать подчиненность цветов натуры общему освещению, уделял основное внимание правильному освещению рабочих мест и требовал, чтобы холсты были освещены сильнее натуры.

Краски натуры в условиях освещения живописной мастерской, которая традиционно должна выходить окнами на север, т.е. теневую сторону, всегда несколько приглушены. Холст и палитра художника обычно освещены здесь сильнее натуры, и глаз воспринимает изображаемый объект, будучи адаптированным к более яркому свету. Все это в совокупности приводит к тому, что в мастерской художника краски его палитры имеют больший диапазон различий по светлоте, цветовым оттенкам и насыщенности, чем диапазон видимых цветов натуры. Об этом писал в своих трактатах еще Леонардо да Винчи, ссылаясь на результаты подбора цветов изображаемого объекта путем наложения красок поверх отражения в зеркале.

В мастерской у художника появляется возможность передать буквальное значение видимых цветов натуры. В обучении живописи это создает определенные трудности,

так как сформированная в учебной мастерской привычка учащихся работать с цветом подбором прямого соответствия натуре оказывается несостоятельной при их выходе на пленэр. Здесь реально передать в красках палитры только соотношение цветов природы и так называемый цветовой масштаб этих соотношений. Однако условия мастерской дают в реалистической живописи пример достаточно точного воспроизведения воспринимаемых глазом цветов и позволяют таким образом судить о закономерностях восприятия в конкретных условиях освещения.

Инструментарий, позволяющий проверить адекватность цветов наблюдаемого и воспроизводящего, можно найти в арсенале практической живописи. В частности, таковым может стать мастихин (или полоска картона): цвет, нанесенный на него кистью, помещается между соответствующим цветом природы и глазом художника таким образом, чтобы краска на мастихине зрительно стала частью определяемого цветового пятна природы [4, с. 11]. Угол разворота плоскости мастихина к свету выдерживается постоянным, ориентируясь на разворот холста (изобразительной плоскости). Этот прием позволяет контролировать точность воспроизведения цвета природы, поскольку подбираемый цвет зрительно становится частью природы и воспроизводит совокупность всех цветовых взаимодействий: освещения, пространственных качеств, контрастного и рефлексного взаимодействия цветовых пятен и т.д.

Для экспериментального изучения восприятия изменяемости цветов в условиях комбинированного освещения нами была подготовлена шкала плоских цветовых поверхностей. Именно такая натура в наибольшей мере позволяет изучить взаимосвязи освещения и цвета в «чистом виде», без включения факторов объема, различной фактуры поверхностей, рефлексной взаимосвязи цветов и многого другого.

Чтобы легче было проследить изменения под воздействием освещения не только отдельных цветов шкалы, но и их различий между собой, исходные значения цветов по светлоте и насыщенности уравнивались. Анализ относительных изменений цветов продиктован потребностью практики живописи, для которой метод цветовых отношений является основополагающим, а отдельный, изолированный цвет не несет в себе изобразительных функций.

Шкала включала одинаковые по светлоте и насыщенности (степени близости к соответствующему спектральному цвету) красный, оранжевый, зеленый, синий и равный им по тону серый, а также черный и белый цвета, которые определяли границы светлотных возможностей палитры. Отсутствие желтого объясняется невозможностью уравнять с ним по светлоте другие хроматические цвета, сохраняя их насыщенность.

«Натура» приобрела абстрактные формы, но в решении задач эксперимента это содержательная абстракция, поскольку является самой простой формой соотношения цветов внутри шкалы, позволяя таким образом выявить и абсолютную, и относительную их изменимость под воздействием комбинированного освещения. Это важно, так как в изобразительных средствах реалистической живописи метод цветовых отношений является основополагающим.

Для проведения эксперимента нами взяты условия освещения, возможные в живописной практике: рассеянный дневной свет, свет электрической лампы накаливания и лунный свет (имитация).

Изменение силы нейтрального света осуществлялось за счет фиксированного удаления от окна шкалы и (или) места, с которого велось наблюдение и воспроизведение видимых изменений. Комбинации освещения выбирались таким образом, чтобы сохранить возможность воспроизведения цвета в прямом его значении масляными красками.

На всех этапах эксперимента оставался неизменным угол наклона шкалы и изобразительной плоскости.

Лунный свет имитировала окрашенная в зеленый цвет лампа накаливания малой яркости.

Для обеспечения нейтральности цветового оттенка дневного света работа велась в пасмурный день, в известной степени нейтрализующий голубой рефлекс неба.

В методике проведения эксперимента использовалась обычная для таких исследований практика: изменение одних факторов при постоянстве других.

Проводя экспериментальное исследование зрительного восприятия цвета, мы не использовали приборы контроля точности воспроизведения зрительной информации, поскольку живописная практика (а именно на ее потребности ориентирован эксперимент) опирается исключительно на зрительную информацию о цветовых явлениях окружающей действительности и свои профессиональные приемы их адекватного отражения. При всем совершенстве современной техники психологи утверждают, что показания приборов не могут быть «объективнее» информации, получаемой глазом «даже если они оказываются более точными» [7, с. 15]. Из этого же исходят в своей работе и живописцы.

Для проверки точности воспроизведения происходящих с цветами шкалы изменений был использован живописный прием визуального контроля с помощью мастихина, приведенный ранее.

Взаимодействие цвета с нейтральным по цветности освещением носит наиболее простые и ясные формы. Как уже отмечалось, применительно к условиям живописной мастерской рассеянный свет пасмурного дня может рассматриваться как нейтральный, т. е. не имеющий явно выраженного цветового оттенка. В то же время цветное освещение вне яркости немислимо. Воздействие цветности ос-

вещения оказывается как бы дополнительным к воздействию яркости. Поэтому изучение влияния яркости нейтрального освещения на цвета шкалы предшествовало изучению влияния цветного света.

Чтобы выяснить зависимость цвета от интенсивности освещения в условиях работы над живописным изображением в мастерской, шкала была помещена возле окна на расстоянии одного метра. На таком же расстоянии от окна находился художник, воспроизводящий видимые им цвета контрольной шкалы. Затем шкала удалялась от окна последовательно на 2, 3 и 4 метра. Художник, изображающий цвета шкалы в каждом новом ее положении, оставался на прежнем месте, следовательно, условия освещения его рабочего места (включая и изобразительную плоскость) оставались постоянными. Сравнение полученных четырех изображений шкалы с ее оригиналом подтвердило легко прогнозируемый результат:

- по светлоте все изображенные цвета, кроме черного, оказались темнее цветов контрольной шкалы; потемнение одинаково у всех цветов, имеющих равные исходные данные;

- чем дальше находилась контрольная шкала от окна, т. е. чем слабее было ее освещение, тем более темными становились ее изображения;

- черный цвет видимых изменений не имел;

- степень насыщенности хроматических цветов падала по мере ослабления их освещенности;

- соотношения цветов внутри шкалы по насыщенности остались вне изменений;

- цветовой оттенок, если анализировать его по принципу тепло-холодных изменений, практически у всех цветов в течение всего эксперимента не менялся.

Общие результаты в этой достаточно простой форме взаимосвязи видимого цвета и освещения легко прогнози-

руемы и не содержат особенной новизны. Но если оценивать их с точки зрения постоянного поиска практиками живописного «камертона», то примечательно здесь постоянство черного цвета.

Кроме того, в оценке результатов глазами живописца обращает на себя тот факт, что ослабление насыщенности цветов по мере их потемнения не было таким значительным, как это часто трактуется в методических рекомендациях начинающим художникам. Известная и широко распространенная в учебной литературе формула «чем темнее, тем больше черного» не отражает качественного состояния происходящих изменений цвета и не может быть воспроизведена в красках буквально, не нарушая соответствия зрительному образу.

Погружаясь в тень, цвета сохраняют достаточную степень насыщенности. Поэтому академическая живопись, предусматривающая написание теней прозрачными красками, не замутненными белилами, технологически задает необходимую в данном случае насыщенность, так как прозрачность краски усиливает ее насыщенность по отношению к пастообразному состоянию.

В нашем эксперименте все цвета воспроизводились краской с одинаковой толщиной красочного слоя, исключаящего прозрачность до основы изобразительной плоскости.

Аналогичный эксперимент был проведен в условиях, когда с удалением природы от исходной точки у окна соответственно удалялся и художник, его рабочее место. Очевидно, что в данном случае относительное равенство в освещении природы и рабочего места сохранялось.

Сравнение результатов показало, что все четыре полученные шкалы отличались от контрольной лишь незначительным ослаблением общего тона и общей насыщенности цветов. Черный и в этом случае оставался практически таким же, как и на контрольной шкале.

Анализ результатов проведенного эксперимента приводит нас к следующим выводам:

- при одинаковых условиях освещения природы и рабочего места, в том числе при одновременном и равном их изменении, изменения цветов практически незаметны;

- по своей значимости для формирования общего состояния цветов в зрительном образе природы действие фактора освещения рабочего места художника близко к силе воздействия освещения самой природы; в этом случае фактор одинакового со шкалой изменения освещения рабочего места зрительно нейтрализует объективно происшедшие в ней изменения общей тональности;

- изменения цветов освещением хорошо видны, когда существует разница в освещении природы и условий наблюдения.

Таким образом, применительно к условиям мастерской можно сделать вывод о том, что обусловленность изменений цвета освещением складывается из влияния как освещения и природы, так и рабочего места художника.

Следует обратить внимание на фактор времени в фиксации взгляда на шкале и атрибутах места наблюдения. Он был традиционен для живописной практики, т.е. работа с палитрой занимала времени значительно больше, чем взгляд на природу (шкалу). Очевидно, это обстоятельство давало время глазу адаптироваться к условиям освещения в зоне наблюдения.

Полученные экспериментальные данные позволяют говорить, что в живописной мастерской имеет практический смысл учитывать не абсолютную, а относительную силу освещенности природы и художника (его холста и палитры). Изменение яркости света само по себе не имеет существенного влияния на зрительный образ природы, если оно равным образом меняется для природы и рабочего места художника.

Чтобы выявить особенности влияния цветного освещения на цвета натуры, проводился эксперимент, в котором контрольная шкала помещалась в различные по спектральному составу света условия:

- естественного дневного (в данном случае мы не стремились избегать случаев, когда холодный его оттенок наиболее выражен благодаря рефлексу голубого неба);
- электрического (лампы накаливания);
- холодного зеленого освещения (своего рода аналог лунного света).

На первом этапе эксперимента условия освещения, в которых находились шкала и художник (его палитра и холст), были одинаковы.

Полученные результаты показали, что в этом случае влияние цвета освещения на видимые краски шкалы незначительно: сравнение контрольной шкалы с соответствующими ее изображениями выявило в последних наличие слабо выраженного общего цветового оттенка, соответствующего цвету освещения.

Следующий этап проходил в условиях различного освещения натуры и рабочего места художника:

1) натура освещалась дневным светом, художник находился при электрическом освещении (наблюдение натуры велось через дверной проем соседней мастерской, освещенной только лампой накаливания);

2) натура помещалась при электрическом свете, художник – при дневном;

3) натура – при «лунном» свете, художник – при электрическом.

Выбор комбинаций освещения был сделан, исходя из возможных ситуаций работы в живописной мастерской. Рабочее место во всех случаях освещалось несколько ярче, чем натура.

В данном эксперименте все полученные цвета, кроме черного, резко отличались от контрольных; черный цвет изменялся наименее явно.

В первом случае:

- по светлоте все цвета оказались значительно темнее контрольных. Изменение цветов по светлоте оказалось неодинаковым: синий – более светлый, затем (в порядке потемнения) зеленый и оранжевый с красным. Значительно снизилась светлота серого и белого цветов. Черный по тону видимых изменений не претерпел;

- шкала приобрела явно выраженный общий цветовой оттенок: зеленый стал холодным зелено-голубым, оранжевый – зелено-коричневым, красный – фиолетовым. Среди хроматических цветов лишь синий остался практически без изменения цветового оттенка. Наиболее ясно голубой оттенок проявился в белом и сером цветах. Изменение в сторону холодного у черного цвета было незначительным;

- в насыщенности цвета значительно потеряли. Изменение насыщенности оказалось (так же, как и светлоты) неодинаковым у различных цветов: синий стал самым насыщенным, несколько слабее оказался зеленый, затем – оранжевый и красный.

Во втором случае:

- произошло общее потемнение цветов. В порядке ослабления степени светлоты цвета расположились: оранжевый, красный, зеленый, синий;

- по цветовому оттенку красный изменился в сторону оранжевого, зеленый стал зелено-желтым, синий стал почти ахроматическим зеленоватым, белый и серый приобрели оранжевый оттенок;

- по насыщенности – общее ослабление: степень изменения насыщенности различных цветов неодинакова и соответствует степени изменения их светлоты.

В третьем:

– по тону наблюдалось общее потемнение, неодинаковое от зеленого (более светлого) к синему, оранжевому и красному (более темному);

– по цветовому оттенку произошло общее изменение в сторону холодного зеленого, особенно хорошо заметное у белого и серого цветов;

– в насыщенности – общее ослабление, неодинаковое для различных цветов. Порядок падения насыщенности цветов соответствовал порядку падения их светосилы (от зеленого к красному).

К приведенному описанию экспериментальных образцов шкалы добавим, что во всех случаях общее состояние цветов по светлоте и цветовому оттенку наиболее ясно просматривается в изменении белого и серого цветов. Изменения черного цвета под влиянием освещения слабо замечаются глазом.

Анализ полученных изображений шкалы проводился в обычных для экспонирования живописных работ условиях – при рассеянном дневном свете средней яркости. Этот момент следует обозначить особо, так как при анализе опытные образцы выглядели иначе, чем во время работы над ними в ходе эксперимента. Тенденция изменений при этом обнаруживалась достаточно явственно: в сторону общего оттенка, дополнительного к цвету освещения изобразительной плоскости во время работы. Так, в последнем случае зеленая окраска лампы накаливания сама по себе давала тепло-зеленое освещение шкалы, а изменения цветов произошли в сторону явно выраженного холодного зелено-голубого оттенка.

Анализ результатов эксперимента с различным по цвету освещением позволяет сделать и более детальные выводы:

– в случаях одинакового освещения натуры и рабочего места обусловленные им изменения предметных цветов

заметны крайне слабо (данное положение, вероятно, справедливо для условий, в которых глаз в состоянии адаптироваться к изменениям цветов, т. е. для средневыраженного цветного освещения и нейтрального освещения средней яркости);

- при различной по своему спектральному составу освещенности природы и рабочего места (холста и палитры) обусловленный освещением цвет существенно отличается от соответствующего контрольного;

- характер общего для всех цветов шкалы изменения, порождаемого цветным освещением, хорошо просматривается по изменению белых и серых цветов;

- черному цвету присуще относительное постоянство;

- «объективный» характер общего цветового состояния природы, обусловленный определенным спектральным составом ее освещения, может быть наблюдаем из условий нейтрального по цвету освещения (такие условия создает, в частности, наблюдение из темноты или через отверстие в черной панели – черный видоискатель в живописной практике);

- общее цветовое состояние природы при различном по спектральному составу освещении природы и рабочего места определяется результатом их взаимодействия. В данном случае обнаруживается тенденция изменения уже обусловленного спектральным составом освещения природы цвета в сторону оттенка, дополнительного к цветности освещения рабочего места. В цветовом строе красок изображения это становится особенно заметным при экспонировании в условиях нейтрального света.

Относительно изменений воспринимаемого цветового строя природы, обусловленных освещением рабочего места, мы можем говорить о тенденции, т. е. о наиболее характерном направлении изменений, но не об однозначно определенном.

Отмечая, что причина этих явлений лежит в процессах цветовой адаптации зрения, следует иметь в виду, что адаптация зависит от времени нахождения в поле зрения природы или холста. В связи с этим указанная тенденция имеет место в случаях, когда фиксирование в поле зрения деталей рабочего места художника (холста и палитры) по времени значительно преобладает над рассматриванием природы.

Таким образом, результаты эксперимента дают ориентиры в прогнозировании результатов восприятия цвета, изменения его предметной первоосновы в условиях комбинированного освещения. Освещение природы прямо подчиняет ее цвета яркости и спектральному составу света, а освещение зоны наблюдения придает этим (уже измененным) цветам диаметрально противоположную направленность яркости и общего цвета.

Практика творческой живописи знает примеры целенаправленного использования данного фактора. В обучении живописи закономерности цветового проявления комбинированного освещения могут быть использованы для решения одной из наиболее сложных проблем профессиональной постановки глаза начинающего художника – преодоления константности зрительного восприятия цвета. Владение этими ориентирами и целенаправленное их использование открывает возможности наглядной демонстрации учащимся изменяемости окраски предметов под влиянием внешних факторов, изменяемости, которая остается незамеченной в повседневной, обыденной жизни.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Метеорологика. Л.: Гидрометеиздат, 1983.
2. *Горелов Р.Г.* Рисунок и живопись интерьера. М.: Просвещение, 1968.
3. *Золотов Ю.К.* Жорж де Ла Тур. М.: Искусство, 1979.
4. *Кравченко Г.У.* Из опыта художника и педагога // Научные труды. Краснодар: КубГУ, 1982.
5. *Левитан И.И.* Письма, документы, воспоминания / Сост. А. Федоров-Давыдов. М.: Искусство, 1956.
6. *Непомнящий В.М., Смирнов Г.Б.* Практическое применение перспективы в станковой живописи. М.: Просвещение, 1978.
7. *Пэдхем Ч., Сондерс Дж.* Восприятие света и цвета. М.: Мир, 1978.

КАФЕДРА

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
ПОЛЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ЗАБЛУЖДЕНИЙ
УЧИТЕЛЯ

Ю. С. Тюнников,
М. А. Мазниченко

МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ
ВЛИЯНИЯ
ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ
НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ОРГАНИЗАЦИИ

С. П. Король,
Римави Мазуз
Хусейн

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ УЧИТЕЛЯ

Ю. С. Тюнников, М. А. Мазниченко

Проблема ошибочного познания является прежде всего предметом изучения философии. В педагогическом же аспекте она недостаточно разработана, хотя в последнее время имеет место обращение к ней с педагогической точки зрения [1–6]. В предлагаемой статье мы обратимся к заблуждениям педагога и попытаемся обозначить поле их функционирования, что поможет более эффективно управлять такими заблуждениями.

Следует признать, что заблуждения учителя – это особый тип профессиональных заблуждений, и в этой связи их можно назвать *профессионально-педагогическими заблуждениями (ППЗ)*. В первом приближении мы определим их как *устойчивые, эмоционально окрашенные компоненты профессионального мышления учителя, в которых имеет место неадекватное отражение реальности или несоответствие принятым смысловым и этическим нормам, что определенным образом влияет на профессиональное становление и стратегию педагогических действий.*

Заметим, что полностью освободиться от заблуждений невозможно. Однако существует два способа функционирования профессионально-педагогических заблуждений. В первом случае учитель *оказывается в плену заблуждений*, во втором случае он *эффективно управляет ими*. Почему управляет, а не преодолевает? Искоренить все заблуждения невозможно, на их месте будут возникать другие. Кроме того, профессионально-педагогические заблуждения могут выполнять и позитивные функции. Поэтому необходимо именно управление заблуждениями.

Когда учитель *оказывается в плену заблуждений*? Прежде всего, когда заблуждение приобретает для него гипертрофированную значимость, становится свержориентиром, которому он слепо следует и не может критически проанализировать, а тем более изменить. А. М. Сидоркин [7] выделяет два типа заблуждений: «добросовестное заблуждение» и «ослиное упрямство». В первом случае учитель «просто не осознает предпосылок своих убеждений. Если эти убеждения «работают», то и нет особой нужды в том, чтобы осознавать, откуда они взялись». Во втором случае учитель делает для себя «следование какому-то принципу сверхценностью, и для него расстаться с этим принципом – все равно, что потерять лицо, потерять себя. Сначала он действительно верит в какую-нибудь идею. Потом начинает верить в то, что в нее обязательно надо верить. Потом доходит до того, что говорит: «Имею же я право, в конце концов, верить в то, во что хочу верить. Или я не свободен в своих мнениях?» [7].

Оба описанных типа иллюстрируют ситуацию, когда учитель находится в плену заблуждений. Только в случае «добросовестного заблуждения» последнее критически не рефлексивируется, а в случае «ослиного упрямства» оно подвергается анализу, но не критическому, что не изменяет его сущности.

Рассмотрим второй путь – *управление профессионально-педагогическими заблуждениями*. Чтобы результативно управлять ППЗ, необходимо иметь представление об их *функциональном поле*. Его можно определенным образом отструктурировать, разбив на четыре относительно самостоятельные зоны: *зону актуализации* (зарождение заблуждения), *зону рефлексии* (выявление заблуждений, их осознание), *зону максимизации* (взрачивания, ценностно-смысловой подпитки заблуждения), *зону минимизации* (свертывание, нейтрализация отрицательного действия заблуждения посредством прямых и косвенных воздействий на него, перевод заблуждения посредством рефлексии в адекватное представление).

В *зоне актуализации* под воздействием внешних и внутренних факторов происходит зарождение ППЗ. Актуализировать заблуждение может какая-либо ситуация, стечение обстоятельств и др. *Процесс зарождения ППЗ* можно рассмотреть с разных точек зрения. Если подойти к нему с точки зрения психологии, то получим следующую картину. Мы встречаемся с каким-либо суждением. Наша реакция может быть различной: некоторые суждения мы сразу отмечаем как неверные, не соответствующие нашей картине мира. Естественно, такое суждение не может стать нашим заблуждением. Некоторые суждения вызывают сомнения: так ли это? Тогда мы начинаем проверять их на опыте и в конце концов приходим к какому-либо определенному суждению, которое в дальнейшем может стать заблуждением. Некоторые суждения мы сразу принимаем на веру: «да, это действительно так, не может быть и сомнений». Если такое суждение не соответствует реальности, действующим образцам, принятым смысловым и этическим нормам, то у него есть шанс стать нашим заблуждением. Процесс рождения заблуждения можно считать оконченным, когда мы полностью уверимся в его истинности. Так представляет процесс возникновения заблуждения, в частности, Р. Мю-

ные [8], который выделяет в структуре заблуждения два элемента: ложное суждение само по себе и веру, что это суждение верно.

Процесс рождения заблуждений можно рассмотреть и с другой стороны: с точки зрения теории информации. Мы воспринимаем какую-либо информацию. При этом нам мешают «шумы» (источники заблуждений – наши субъективные установки и другие факторы, искажающие реальность). Как «шумы» можно рассматривать волнение, болезнь, страстное увлечение чем-то, желание какого-то результата, случайные события. Если мы способны противостоять этим «шумам», то появление на свет заблуждения не состоится. Если устойчивость к «шумам» невысокая, мы не умеем нейтрализовать их, то они искажают воспринимаемую информацию, что приводит к появлению заблуждения. Именно так понимает процесс зарождения заблуждений Ф.А. Селиванов [9].

Итак, заблуждение возникло. Однако его функционирование нуждается в определенных подпитках, иначе оно исчезнет. Другими словами, мы должны постоянно получать некое подтверждение его значимости и правильности. Для этого требуются какие-то факты, аргументы, образы, на которые можно опереться при доказательстве правильности своего ППЗ, это своеобразные «интеллектуальные подпорки». Возьмем в качестве примера заблуждения свойственную некоторым педагогам установку: «учитель должен создавать детям трудности, ограничения и проблемы, чтобы сохранить над ними власть». Сохранению и усилению этого заблуждения способствуют следующие «интеллектуальные подпорки»: «нужно приучить детей к труду, выработать навыки», «трудно в учении, легко в бою», «раньше жизнь была гораздо труднее (войны, разруха, голод), теперь стало легче, поэтому трудности надо создавать искусственно» и др.

При этом возникшее заблуждение приобретает устойчивость и силу, если отмечается все, что не соответствует его смыслу. Сходную точку зрения выразил А. М. Лобок [10], который выделяет в структуре современного мифа (в контексте нашего рассуждения между мифом и заблуждением можно увидеть аналогию) иррациональное представление; рациональное обоснование его и жесткое логическое отсечение всего, что противоречит истине мифа.

В зоне *рефлексии* происходит дифференциация заблуждения. Оно выявляется, фиксируется и осознается. Поскольку заблуждение является продуктом интеллектуальной деятельности и проявляется в ней, то его рефлексия с необходимостью предполагает анализ возникших в определенной ситуации педагогических действий и актуализируемых смыслов. *Критическая рефлексия*, в отличие от *некритической*, предполагает сравнение их с образцами, нормами педагогической деятельности. Именно критический анализ позволяет обнаружить несоответствие ППЗ нормам и тем самым дифференцировать заблуждение в своей профессиональной деятельности. В этой связи важно установить, с каким именно фрагментом педагогической деятельности связано заблуждение. Если обнаруживается, что заблуждение накладывается на все функции профессиональной деятельности, то оно имеет мировоззренческий характер. В зоне рефлексии происходит определение ценностно-смыслового содержания и полюса ППЗ, степени его негативного влияния на педагогическую деятельность. Таким образом, в зоне рефлексии можно выделить следующие частные зоны: *выделения, фиксации, дифференциации ППЗ, соотнесения его с нормой*. Результативность рефлексии может быть различной. Критическая рефлексия предполагает соотнесение ППЗ с нормами педагогической деятельности. Такая рефлексия позволяет трансформировать ППЗ в зону минимизации. Некритическая рефлексия не

предполагает соотнесения ППЗ с нормами, не позволяет обнаружить несоответствие. Такой тип рефлексии трансформирует ППЗ в зону максимизации (активного роста).

Зона максимизации – это зона «активного роста» ППЗ. В ней создаются все условия для взращивания ППЗ. При этом борьба с заблуждением либо не ведется совсем, либо является безуспешной. Как результат этого – консервация смыслов и стереотипизация ППЗ, расширение сферы его смыслового воздействия. Заблуждение приобретает характер убеждения, установки, что приводит к формированию неадекватных моделей профессиональной деятельности. Оно может детерминировать возникновение других, связанных с ним заблуждений и всякого рода ППЗ-включений: педагогических ошибок, предрассудков, негативных стереотипов и др. Максимизация ППЗ обычно осуществляется посредством культивирования ценности, лежащей в его основе; закрепления психологического состояния, которое является причиной возникновения ППЗ (обида, страх и др.); поиска и изобретение «интеллектуальных подпорок» (фактов, аргументов, образов, на которые можно опереться при доказательстве правильности своего ППЗ); постоянного следования ППЗ в практических действиях педагога; идентификации профессиональных позиций с позицией ППЗ. В зоне максимизации можно выделить следующие частные зоны: *стереотипизации, расширения сферы смыслового воздействия, закрепления в практических действиях, генерирования новых ППЗ и ППЗ-включений.*

Зона минимизации – это зона «свертывания» заблуждения, нейтрализации его негативного влияния. В ней выделяют два вектора воздействия на ППЗ: вектор на уменьшение и вектор на усиление. *Вектор на уменьшение* можно представить следующим образом: минимизация неверного, искаженного смыслоизвлечения, нейтрализация эмоциональных состояний, связанных с таким смыслоизвлечени-

ем, снижение значимости структурообразующей ценности ППЗ.

Вектор на усиление предполагает активизацию адекватного смыслоизвлечения; усиление позитивных эмоциональных состояний, связанных с преодолением ППЗ (например, замена страха на любознательность); ироническую самопрезентацию в ситуации ППЗ; формирование практики рационального мышления.

Итак, будучи актуализированным в сознании учителя, ППЗ может функционировать как в зоне максимизации, так и в зоне минимизации. Если ППЗ функционирует в зоне максимизации, мы оказываемся в его плену. Функционирование ППЗ в зоне минимизации указывает на то, что мы управляем им, что идет борьба. Для нас важно, чтобы ППЗ функционировало в зоне минимизации. Значимую роль при этом играет Я-концепция учителя.

Р. Бернс [11] определяет Я-концепцию как совокупность установок, направленных на самого себя. Автор выделяет следующие элементы Я-концепции:

- 1) *образ Я* – представление индивида о самом себе;
- 2) *самооценка* – аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я вызывают более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием и осуждением;
- 3) *потенциальная поведенческая реакция*, т.е. конкретные действия, которые могут быть вызваны Я-образом и самооценкой.

В зоне максимизации все элементы Я-концепции функционируют в идеологеме ППЗ, векторно совпадая с его ценностно-смысловым значением. В зоне минимизации они разнонаправлены.

Попаданию ППЗ в зону минимизации способствуют следующие элементы Я-концепции учителя: оптимизм, юмористическое самовосприятие, сбалансированность лич-

ностного и профессионального самовосприятия, высокая самооценка, психическое самоуправление. Рассмотрим их подробнее.

Обычно заблуждения учителя являются устойчивыми образованиями, скорректировать и тем более разрушить которые непросто. Зачастую для того, чтобы минимизировать ППЗ, нужно посмотреть на них с другой, юмористической точки зрения. По мнению Л. Муньиза, юмор продуцирует динамическое восприятие, допускающее рассмотрение вещей с иных, чем прежде, позиций, поднимает человека на более высокую ступень самопонимания и понимания других [12]. Если учитель способен в некоторых случаях юмористически посмотреть на себя, посмеяться вместе с учениками над каким-либо своим промахом, преодолеть негативные эмоции (обиду, злость и др.) с помощью юмора, это способствует минимизации ППЗ прежде всего за счет снижения их субъективной значимости.

Другой элемент Я-концепции, помогающий скорректировать ППЗ, – сбалансированность личностного и профессионального самовосприятия. Если у учителя преобладает личностное самовосприятие над профессиональным, он зачастую бывает «окутан эмоциональным облаком», преувеличивает значение личного опыта, не продумывает заранее, не проектирует свои профессиональные действия. Если преобладает профессиональное самовосприятие, общение с учащимися носит формальный характер, закрепляются педагогические стереотипы, в том числе негативные.

Почему необходима высокая самооценка? Низкая самооценка способствует возникновению ППЗ, связанных с авторитарным стилем преподавания, таких, как: «демонстрация власти помогает созданию уважения», «учитель всегда должен стремиться к лидерству, к доминированию в детском коллективе», «учитель всегда прав», «учитель любыми средствами должен добиться своего» и др.

Что представляет собой самоуправление и как его можно использовать для минимизации ППЗ? Г. С. Никифоров дает следующее определение психического самоуправления: «В самом общем случае будем понимать под психическим самоуправлением (саморегулированием) сознательные воздействия человека на присущие ему психические явления (процессы, состояния, свойства), выполняемую им деятельность, собственное поведение с целью поддержания (сохранения) или изменения характера их протекания (функционирования)» [13]. Субъектом самоуправления, по мнению автора, является сам человек, а в качестве объекта могут выступать присущие ему психические явления, выполняемая им деятельность или собственное поведение. Исследователь подчеркивает также, что процессы психического самоуправления носят обязательно сознательный (но не всегда во всех своих фазах осознанный) и целенаправленный (а следовательно, и активный) характер. «Управлять собой, – пишет далее автор, – это прежде всего уметь самому формировать мотивы собственного поведения, ставить перед собой конкретные цели» [13].

Самоуправление, по Г. С. Никифорову, включает следующие этапы: конкретизацию мотивов поведения и деятельности, постановку соответствующих целей, выбор путей (программ) их достижения.

Осуществляя психическое самоуправление, необходимо актуализировать мотивы и цели, способствующие преодолению ППЗ. Например, для минимизации ППЗ «хороший учитель должен скрывать свои настоящие чувства от школьников» психическое самоуправление должно включать выбор: мотива – установить доверительные отношения с учащимися; цели – научиться открыто и адекватно выражать свои чувства; программы ее достижения – изучение психологической литературы, совершенствование умения адекватно выражать свои чувства с помощью пси-

хологического тренинга; применение этого умения в практической деятельности.

Важную роль при попадании ППЗ в зону минимизации играет система ценностей учителя, в которой можно, в частности, выделить:

– *обучение как целенаправленный процесс влияния на личность;*

– *профессиональное творчество* – осознание педагогической профессии как творческой и осознание необходимости воспитания творчески мыслящих людей;

– *уважительное и терпимое отношение к инакомыслящим, к индивидуализму, своеобразию каждого, к факту его неповторимости, уникальности, творческой;*

– *профессионализм;*

– *приобретение опыта продуктивного общения с людьми;*

– *гуманное отношение к личности ребенка.*

В заключение отметим, что для эффективного управления ППЗ необходимо не только знание их функционального поля, но и эффективных стратегий управления, что может быть темой отдельного разговора.

Библиографический список

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
2. Гладкий А. Современная педагогическая мифология // Знание – сила. 1994. № 11.
3. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации», 1997.
4. Логвинов И.И. Педагогическая мифология и совершенствование общеобразовательной школы // Педагогика. 1999. № 8.
5. Мазниченко М.А. Коррекция педагогической деятельности: Учеб. пособие. Сочи: РИО СГУТиКД, 2003.
6. Мазниченко М.А. Преодоление профессионально-педагогических заблуждений студентов как проблема профессионального становления учителя: Дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2001.

7. *Мозутина Т.Ю.* О педагогических стереотипах как барьерах творческой активности человека // Психология педагогического мышления: теория и эксперимент: Сб. ст. / Под ред. М. М. Кашапова. М.: ИП РАН, 1998.

8. *Муныз Л.* Проблема юмора в образовании // Социологические исследования. 1996. № 11.

9. *Нескоромных Н.И.* Педагогические условия корректировки ошибочных представлений младших школьников в процессе развивающего обучения: Дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2001.

10. *Никифоров Г.С.* Самоконтроль человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

11. *Селиванов Ф.А.* Исследование общего в заблуждениях: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 1973.

12. *Сидоркин А.М.* Парад предрассудков. М.: Знание, 1992.

13. *Mignir R.* Le probleme de la verite. P., 1959.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

С. П. Король, Римави Мазуз Хусейн

Связь и взаимодействие внешней среды с процессом преобразования в организациях не может быть объектом точного прогнозирования и планирования. Такой вывод становится очевидным, если представить внешнюю среду как состояние и перспективы развития важнейших с точки зрения организации субъектов и факторов окружающей среды: отрасли, рынков, поставщиков и совокупности глобальных факторов внешней среды, на которые организация не может оказывать непосредственное влияние [3, с. 156]. Аналогичный вывод вытекает и из представления окружающей среды организации как внешних явлений, которые потенциально или фактически на нее воздействуют [4, с. 328]. Эффективность организации оценивается как ее способность к саморегулированию и самоорганизации при достижении цели в условиях изменения внешних условий и факторов.

С 1980-х гг. формируется модель организации, основу которой составляет теоретическая концепция заинтересованных групп. Согласно этой концепции, предприятия должны принимать во внимание разные интересы партнеров. Определение эффективности в этих условиях базируется на политической ориентации организации, выборе ее ценностей и оценивается по таким направлениям, как политика увязки собственных интересов с интересами партнеров по бизнесу, соответствие социально-культурной политике, нормам и ценностям коллектива и общества в целом.

Обычно организации ставят и реализуют одну или несколько целей, необходимых для их функционирования и развития. Организации решают одновременно стратегиче-

ские, текущие и оперативные цели. Перед ними стоят экономические, социальные, организационные, научные и технические задачи.

Исходя из положений теории «организационного развития» можно сделать поиск различных вариантов системного членения организации, варианты которого в теориях управления разработаны подробно и в значительном количестве. Дальнейшим шагом может оказаться переход к установлению устойчивых закономерностей между элементами организации и факторами внешней среды с последовательным углублением их детализации. Важно не только выделить личность как элемент в системе организации, но и выявить требования, которые к ней предъявляет в данный период и в перспективе современный ей этап общевиллизационного развития. Управление персоналом, которое реализует этот подход, будет содействовать конкурентоспособности предприятия. В то же время внешняя среда должна быть определенным образом прогнозируема, а управление персоналом способствовать осуществлению целей организации.

Такая модель представляет предприятие в виде сложной иерархической системы, взаимодействующей с окружением. Ее основу составляет общая теория систем. Эти проблемы исследовались за рубежом А. Чандлером, П. Лоуренсом, Дж. Лоршем, а в России И. В. Блаубергом, Э. Г. Юдиным, В. В. Дружининым, В. Г. Афанасьевым и другими учеными.

В соответствии с этими теоретическими положениями организация рассматривается в единстве ее составных частей, которые неразрывно связаны с внешним миром [3, с. 50–53]. Основные факторы эффективного функционирования организации зависят от внешней среды, поставляющей ресурсы, включая информацию, и внутренней системы, подсистемы которой при взаимодействии создают предпо-

сылки для преобразования ресурсов в продукцию и услуги. При этом под внешней средой понимается совокупность переменных, находящихся за пределами предприятия и не являющихся сферой непосредственного воздействия его менеджмента.

Внутренняя среда каждой организации под воздействием внешних переменных формирует структуру предприятия, его культуру и ресурсы. В этой модели главным направлением деятельности менеджеров становится стратегическое управление, а эффективность организации оценивается как системная целесообразность, учитывающая ее способности к саморегулированию и самоорганизации при достижении цели в изменяющихся внешних факторах.

Последующая модель представляет предприятия как общественные организации, в деятельности которых заинтересованы различные группы как внутри, так и вне границ [3, с. 54–56]. Модель формируется с 1980-х гг., ее основу составляет теоретическая концепция заинтересованных групп. В соответствии с этой моделью организации должны принимать во внимание разные интересы партнеров, круг которых может быть довольно широким.

Взаимосвязь предприятий заключается в том, что они для коллективного, основанного на разделении труда, производства товаров и услуг используют ресурсы, предоставляемые поставщиками, интересы которых в свою очередь удовлетворяются продукцией предприятий. Главными функциями менеджмента становятся: достижение высокой производительности и эффективности путем создания условий для вовлечения работников в дела организации и постоянного создания баланса интересов основных групп, вовлеченных в дела организации, с целью укрепления позиций предприятия в обществе. Ее эффективность обусловлена выбором ценностей и определением политической ориентации организации. К критериям социально-экономи-

ческой эффективности работы добавляется политика увязки собственных интересов с интересами партнеров по бизнесу, соответствие социально-культурной политики нормам и ценностям коллектива и общества в целом.

Учитывая, что обе модели организации ориентированы на учет влияния внешней среды, их эффективность оценивается системной целесообразностью. Она учитывает способность организации к саморегулированию и самоорганизации и достижению цели при изменении внешних условий и факторов, и поэтому организации могут рассматриваться как «открытые».

В реальной действительности нет организаций, которые строили бы свою деятельность в полном соответствии с какой-либо одной моделью. Наличие элементов различных моделей диктуется воздействием совокупности внешних и внутренних факторов. Построение модели конкретной организации требует полного анализа организации.

Таким образом, при проектировании структуры предприятия необходимо использовать закономерности, определяющие современные тенденции в развитии управления предприятиями, учитывая роль внешней среды в экономике наших дней, факторы, обуславливающие ее высокую изменчивость и малую предсказуемость изменений. Внешнюю среду можно рассматривать как совокупность факторов, к которым организация вынуждена адаптироваться, т. е. их нейтрализовать, преодолевать, использовать, чтобы добиваться своих целей. Управление под этим углом зрения служит средством, призванным обеспечить указанную адаптацию. Соответственно оно не может не трансформироваться по мере изменения внешней среды. При этом очевидно, что упомянутые факторы многообразны и неоднозначны. Одни предопределяются особенностями мирохозяйственного развития на данном этапе. Другие происходят из политики государства и связаны с особенностями

современного развития страны. Третьи обусловлены отраслевой принадлежностью организации, ее месторасположением и т.д. [1].

Хотя все факторы, с которыми сталкивается организация, проявляются как нечто единое, в действительности они могут как совпадать по направленности, так и противоречить друг другу. Одни могут быть стабильными и устойчивыми, набирающими силу, другие – временными и угасающими. Предлагаемое членение имеет сугубо теоретическое значение, т. е. оно в значительной мере абстрактно и схематично и имеет целью упростить картину зависимостей между структурой управления организацией и воздействующей на нее реальностью [2, с. 92–94].

Каждая организация в разной степени зависит от внешней среды и приспосабливает внутренние стратегии к ощущаемому давлению. Организация отбирает те аспекты внешней среды, с которыми ей приходится иметь дело [7, с. 1078–1080]. Конкретные организации находятся в контакте друг с другом через межорганизационные отношения (МОО). Существуют разнообразные формы МОО. В то же время все исследователи приходят к общему мнению, что МОО принимают три основные формы: парные организационные отношения, межорганизационный набор и межорганизационная сеть. Парным отношениям, являющимся простейшей формой МОО, посвящено большинство эмпирических исследований. Прежде чем перейти к вопросу уровней анализа среди моделей МОО, следует отметить, что аналитически можно выделить разнообразие внутри этих форм. Может быть исследовано взаимодействие организации с центральной организацией с точки зрения частоты взаимодействия, степени формализации отношений, сотрудничества и конфликта.

Анализировать МОО сложно, так как организации не только имеют отношения с выделенными наборами орга-

низаций, но и участвуют в программах со связями с организациями федерального и местного уровней. Основой для анализа могут служить характеристики общей внешней среды, размерности которых будут иметь решающее значение и для МОО. К ним относятся технологические, правовые, политические, экономические, демографические, экологические и культурные условия. Внешнюю среду можно анализировать по разным наборам размерностей. В качестве аналитических размерностей окружающей среды можно использовать емкость внешней среды, однородность – неоднородность, стабильность – нестабильность, концентрация – рассеяние, согласие – разногласие и турбулентность.

Характер зависимостей между внешней средой, МОО и вовлеченными организациями требуют дальнейших исследований. Для МОО внешняя среда имеет значение в качестве обстановки, в которой проявляются ситуационные факторы, представляющие предварительные условия, или которая предшествует взаимодействиям. Р. Х. Холл описывает пять наиболее значимых факторов: осведомленность, согласие / разногласие на поле деятельности, географическая близость, локализованная зависимость и размер [4, с. 364–368].

Размер – это тот ситуационный фактор, который определяет фактический или потенциальный набор или объем организаций. Большинство исследователей обращали внимание на фактическое число организаций в сети [9].

Размер является ситуационным фактором в том смысле, что в любой заданный момент времени существует конечное число организаций для взаимодействий. Крупный набор или сеть способствуют рассеянию ресурсов или действий, но предоставляют организации много вариантов в сферах приобретения ресурсов, потоков клиентов и т.п.

Существует три формы взаимосвязи: горизонтальная, вертикальная и симбиотическая [7]. При горизонтальной взаимосвязи все члены организационного набора конкурируют друг с другом, при вертикальной же организации в основном взаимодействуют на разных стадиях производства товаров и услуг, а при третьей форме организации дополняют друг друга, и конкуренция здесь минимальна.

Понимание процессов внутри организации и окружающих ее условий помогает при разработке структурных схем организации учитывать внутренние процессы, такие, как принятие решений и руководство, взаимодействие с внешней средой с целью достижения эффективности с экономической, политической и моральной точки зрения. Для практиков и теоретиков, занимающихся анализом организаций, это попытка разобрать концепцию эффективности организации и рассмотреть противоречия, присущие ей самой. Модель эффективности организации учитывает разницу в целях, которые она преследует, приобретаемых ресурсах, в обстоятельствах внутри и вне организации, временные рамки, в которых оценивается эффективность.

Выделяют несколько основных моделей организационной эффективности. В *системно-ресурсной модели* представлен широкий анализ взаимодействия организация – внешняя среда. Сторонники людей считают, что переменные, относящиеся к организационной эффективности, можно расположить в порядке иерархии, на вершине которой находится окончательный критерий, оцениваемый по истечении времени. Таким критерием может служить оптимальное использование благоприятных возможностей и ресурсов, имеющихся в внешней среде.

В *целевой модели* эффективность определяется как «степень, в которой организация реализует свои цели» [5]. Цели включают намерения и результаты и служат побуждением для принятия решений. Организации могут иметь

множество целей, противоречащих друг другу и изменяющихся, что и является главной трудностью целевого подхода.

Модель удовлетворенности участника рассматривает успех организации в достижении целей или ее выживание благодаря способности получать достаточную отдачу от своих членов посредством обеспечения достойного вознаграждения или стимулов. При этом важно, какие стимулы вводятся в организацию в первую очередь.

Большинство аналитиков отмечает многогранность явления эффективности. Эффективность в одной сфере не всегда связана с эффективностью в другой сфере. Рассматривая модели эффективности, можно представить противоречивую модель, включающую множественные и противоречивые ограничения внешней среды, цели, временные рамки, ограничения вне организационно контроля.

Для организационных практиков и аналитиков организационная эффективность является главным понятием. Поэтому учет противоречий и факторов, не поддающихся контролю организации или управляемых только потенциально, в анализах эффективности всех типов организаций способствует разработке организационных структур, способных структурироваться и реструктурироваться в соответствии с результатами принятых решений и политических процессов в их собственных границах.

Построение новой и реструктурирование существующей модели организационной структуры предприятия с целью его эффективного функционирования целесообразно начинать с прогнозирования перспективного уровня его развития как элемента социально-экономического развития общества.

В основу анализа может быть положено исследование межорганизационных отношений, их характер, количество и степень влияния на организацию и ее развитие. Межорганизационные отношения с целью их оценки должны

быть классифицированы с учетом степени влияния на структуру организации. Исследованная в работе классификация межорганизационных отношений позволит осуществить выбор методов их качественной и количественной оценки как основных факторов прогнозирования.

Внутриорганизационное строительство структуры организации может производиться известными методами, выбираемыми с учетом распределения функций управления производственной структурой и обеспечения непосредственно в самой организации поддержания и развития межорганизационных отношений с целью эффективного функционирования организации.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1998.
2. Король С.П. Основы управления персоналом предприятий в России. М.: НИИ труда, 1998.
3. Управление организацией: Учебник / Под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина. М.: ИНФРА-М, 2000.
4. Холл Р.Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб.: Питер, 2001.
5. Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs. NJ: Prentice Hall, 1964.
6. Pennings J. M. Interlocking Directorates. San Francisco: Jossey-Bass, 1980.
7. Starbuck W. Organizations and Their Invironments. Rand McNally. Chicago, 1976.
8. Ven A van de., Ferry D.L. Measuring and Assessing Organizations. N.Y.: John Wiley, 1980.

SUMMARY

Theoretical and Practical Dimensions of the “Power of Law” by *Andrey V. Shpak* combines a theoretical (historical and philosophical) imagination concerning the evolution of the key concept with an empirical (sociological) perspective on the juridical institutions and “public consciousness”.

“Extremism” versus “Centrism” in a Post-Modernist Perspective by *Natalya V. Plotichkina* considers a conceptual vulnerability of the “centrist” ideology, made evident by the post-modern critics, and warn against refusing the democratic mode of life for the sake of hunting the extremism.

Grounds for Political Decision: Some Approaches by *Arthur V. Atanessyan* analyses how political interests, values, norms, morals, and precedents happen to impact on political process.

Electoral Process in Krasnodar Krai: An Attempt of Periodization by *Roman Z. Bliznyak* confronts regional scope with national electoral cycles.

On Personally Effective Tolerance: A Psychological Approach by *Zinaida I. Ryabikina* links the phenomenon of tolerance with personal perspective of self-realization.

Statistics of Gender Inequality in the Sphere of Labour by *Irina N. Tartakovskaya and Oleg A. Oberemko*, using the official data, suggests a work of selective mechanisms making gender asymmetry in labour market and refers survey data to support a conception of women’s double working day.

Measurement of Behaviour after Job Loss by *Andrei N. Demin* develops an original Russian language version of inventory for coping instruments categorization.

A Study of Colour Perception under Combined Lighting by *Yuri V. Korobko* focuses some impacts of colour accommodation of painters eyesight.

Functional Field of Professional Errors by Pedagogues by *Yuri S. Tyunnikov and Marina A. Maznichenko* traces a perspective to control one's own mistakes in teaching.

Invironment Influence on Organization Effectiveness: Some Approaches by *Svetlana P. Korol' and Mazuz Kh. Rivami* suggests a perspective of inter-organizational relations.

Атанесян Артур Владимирович – кандидат политических наук, ассистент кафедры прикладной социологии Ереванского государственного университета.

Близняк Роман Зиновьевич – кандидат политических наук, менеджер КРОО «Южный региональный ресурсный центр» по развитию социального партнерства.

Дёмин Андрей Николаевич – кандидат психологических наук, докторант кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета.

Коробко Юрий Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, декан художественно-графического факультета Кубанского государственного университета.

Король Светлана Павловна – доктор экономических наук, профессор кафедры технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета.

Мазниченко Марина Александровна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

Оберемко Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета.

Плотичкина Наталья Викторовна – аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.

Римави Мазуз Хусейн – аспирант кафедры технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью Кубанского государственного технологического университета.

Рябикина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.

Тартаковская Ирина Наумовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений.

Тюнников Юрий Станиславович – доктор педагогических наук, профессор, директор Социально-педагогического института Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, проректор СГУТи КД.

Шпак Андрей Викторович – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД РФ.